

ВЛАДЕРИИ БОЛШАКОВ

ВИКИНГ
ТУМАННОГО БЕРЕГА

Литрес

Валерий Большаков

Викинг туманного берега

«Автор»

2023

Большаков В. П.

Викинг туманного берега / В. П. Большаков — «Автор», 2023

Вне времен и пространств существует таинственный Интермондиум, открывающий врата в прошлое человечества, и лишь посвященные могут попасть туда. Константин Плющ – один из них. Недавно вернувшийся из Древней Норвегии, он вынужден вновь отправиться в мир викингов – чтобы спасти любимую и предотвратить событие, способное серьезно изменить современность.

© Большаков В. П., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Константин Плющ. Зачет	7
Глава 2. Константин Плющ. «Выход в город»	11
Глава 3. Константин Плющ. Задание	14
Глава 4. Эльвёр, дочь Освивра. Наложница императора	17
Глава 5. Константин Плющ. Фьорды	21
Глава 6. Константин Плющ. «Великолепная дюжина»	24
Глава 7. Эльвёр, дочь Освивра. Непогода	27
Глава 8. Константин Плющ. «Веселие Руси питие есть»	30
Глава 9. Константин Плющ. Морской бой	34
Глава 10. Эльвёр, дочь Освивра. Страна крепостей	37
Глава 11. Эльвёр, дочь Освивра. Рюрик	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Валерий Большаков

Викинг туманного берега

© Валерий Большаков, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Пролог

Норэгр (Норвегия)¹, Сокнхейд. 10 мая 871 года

...Засов не помог – мощный удар секиры снес запоры. Угрюмый викинг плечом вышиб дверь и, пригнув голову, перешагнул порог.

Эльвёр, замерев у стенки, стиснула зубы – не дождутся от нее крика! Унимая дрожь, она вжималась спиной в покрытые резьбой бревна. Сердце у девушки колотилось, как пойманная птица, кулачки сжимались, но что она могла поделаться с могучим воином, что ввалился в ее горницу?

Викинг небрежно махнул секирой, всаживая ее в стену – просто чтобы освободить себе руки. Его глыбистые плечи обтягивала старая кольчуга, а крепкая шея была шире головы. Перебитый нос сипел и клекотал, забавные рыжие косички торчали из-под шлема, а свирепые синие глазки сверлили Эльвёр, как два буравчика.

Следом в горницу протиснулась еще парочка громил, сотоварищей Хунди Рыжего, – Лейф Тихоня и Эйнар Пешеход. Эйнара не зря так прозвали – этот викинг настолько был огромен, что его ни одна лошадь удержать не могла. Поневоле пешим станешь.

– Собирайся! – властно прогудел Пешеход. – Пойдешь с нами.

– Не пойду! – отрезала девушка.

– Тогда понесем! – хохотнул Лейф.

Эльвёр побледнела.

– Это вам Косматый приказал? – выцедила она.

– Не Косматый, – назидательно сказал Эйнар, – а Прекрасноволосый. Хунди!

Рыжий сдернул с топчана плащ, шитый из бобровых шкурок, и закутал в него девушку с головой. Эльвёр попыталась брыкаться, но викинг даже и не заметил ее потуг – сгрёб и уложил себе на плечо. Затем посмотрел на Пешехода, и тот махнул мечом в сторону гавани:

– На корабль!

Сопя, Хунди двинулся к выходу, и в этот самый момент в горницу влетели два молодца-дренга². Увидев непотребное, они бросились на Рыжего, выхватывая скрамасаксы³ в локоть длиной. И лишь перескочив порог, заметили еще двоих, да поздно – Эйнар молниеносным ударом почти срубил голову одному из молодцев, а другой только и успел что вздрогнуть – обратным движением клинка Пешеход чиркнул ему по горлу, и рубиновая струя плеснула на «ковер» – расстеленную шкуру медведя.

– Уходим, – скомандовал Эйнар.

Хунди шагнул к дверям, выдернув из стены свою секиру. Викинги покинули горницу, и лишь два мертвых в лужах липкой крови тела остывали на полу, свидетельствуя о преступлении.

Глухо, задушенно донесся голос Эльвёр:

– Эваранди! Эваранди-и!

¹ Название *Норэгр*, что означает «Северный путь», стало общим лишь после того, как конунг Харальд I Прекрасноволосый объединил под своей властью земли разных племен (после 872 года).

² *Дренг* – молодой воин, «добывающий богатство и славу» в дружине ярла или конунга.

³ *Скрамасакс* (или просто *сакс*) – короткий (около полуметра в длину) меч с односторонней заточкой. Носился в ножнах на бедре, навершие рукояти часто выполнялось в виде головы ворона.

Глава 1. Константин Плющ. Зачет

Россия, Владивосток. 22 января 2015 года

Кончились новогодние каникулы, кончилась зимняя сессия в политехе. Константин Плющ с чувством глубокого удовлетворения сунул зачетку в карман куртки и застегнул замок. Свободен!

Еще пара недель каникул – и снова в бой. «Учись, студент!»

Улыбаясь, Костя спустился на Светланскую и пошагал в сторону центра. Даже не пошагал – побрел. Ленивой походкой беззаботного школяра, за которым нет долгов и «энок»⁴.

На свободу с чистой совестью!

Плющ шел и рассеянно улыбался. В детстве, не столь уж и далеко, он, помнится, буйно радовался окончанию четверти. Ныне радости нет – есть тихое и спокойное довольство. Производное от того, что ты скидываешь напряжение, выходишь из жесткого режима, слезаешь с учебной карусели. У тебя вдруг появляется свободное время – и легкая растерянность. А куда ж девать эти часы и дни?

Не сказать что Костя был зубрилой и образцово-показательным студизусом. Нормальный парень, он кое-что смекал в компьютерах, починял «железо», мудрил в программах, и ему, как спецу, недоставало лишь диплома.

Ничего. Еще годик – и вожделенные «корочки» окажутся там, где нынче лежит зачетная книжка.

А еще у него была тайна. Случалось так, что Костю просто распирало от желания поделиться секретом, но он ни разу за эти месяцы не выдал его. Никому.

Никто с него не брал расписку о неразглашении, Хранитель Романус даже словом не обмолвился на этот счет. Плющ сам разумел, что болтать – лишнее.

...Где-то, неведомо где, среди чужих пространств и времен, находится Интермондиум – междумирье. Туда выходят дебри Гондваны, в другой стороне плещет Силурийское море, а за горами, откуда спускается акведук, бывает виден пустынный берег, освещенный колоссальным красным Солнцем, – это Земля через миллиард лет.

А акведук, сработанный рабами Рима, ведет к удивительному городу-крепости, где средневековые дома-фахверки перемежаются эллинскими храмами-периптерами, античными инсулами и прочими памятниками архитектуры, в которых живут, отдыхают, молятся, работают Хранители и Регуляторы.

Хранители следят за тем, чтобы колесо истории не вильнуло в сторону от проложенной колеи, а уж если вызывает опасность «макроскопического воздействия», грозящего изменением реальности, в прошлое отправляются Регуляторы. Их задача – предотвратить сползание к «альтернативке», удержать баланс между грядущим и былым.

Добить Эрнста Рёма, если тот вдруг выживет, отговорить Александра Македонского от завоевания Индии...

Когда Костя сам стал Регулятором, то получил задание – помешать сопернику Харальда Косматого стать конунгом «всея Норвегии».

У него это вышло. У него и у Роскви.

Плющ улыбнулся. Это такой обычай у Регуляторов – зваться на языке той эпохи, в которую угодили. Роскви – так на язык викингов можно перевести имя Валерий.

⁴ «Энка» (жарг.) – отметка «н», что означает «не был».

Валерка Бородин. Дембельнулся из ВДВ, женился, а в прошлое отправился за «бонусами». Ничего, нагреб «бонусов» – хватило и на квартиру, и на машину. Еще и тур в Таиланд купил – свозил свою Верку в Паттайю. В Уссурийске снег по колено, а Вера на пляже млеет...

А Константин переводится, как Эваранди.

Плющ вздохнул. Разве такое поведает кому? Да если и сболтнешь ненароком, что тогда? Покрутят пальцем у виска и скажут: доучился!

Правда, на Новый год Костя малость успокоился. Он вдруг ощутил себя скупым рыцарем, владеющим несметным сокровищем – и получающим от того массу удовольствия.

Каково это – держать у себя на полке рукописи из Александрийской библиотеки? Или целехонькую статую Афродиты, изваянную Лисиппом? Никому не известное полотно Леонардо? Сидишь себе в гордом одиночестве и любишься...

Плющ запрокинул голову – там, высоко над улицей, над домами завис пролет Золотого моста. В его тени было сумрачно и зябко.

Сразу вспомнились арки акведука, пересекавшего цитадель Интермондиума, изливавшего влагу горных источников в целый каскад фонтанов, откуда хозяйки черпали воду.

Вздохнув, Костя пошагал дальше. Его слегка мучила раздвоенность желаний: он очень хотел вернуться в Интермондиум, пройти по Главной улице – и вернуться к Башне, которую все называли Терминалом. Вернуться, отворить тяжелую дверь портала, обитую позеленевшей бронзой, – и выйти на сумасшедший простор Стърнсванфьорда.

Там, между скалистых круч и лесистых склонов, синее извилистое ленто залива, и белые косы водопадов окунаются в него, а орлы нарезают круги ниже обрыва, где стоишь ты, цепенея, задыхаясь от ужаса и восторга...

Вернуться, наведаться в Сокнхейд, провести Эльвёр...

Плющ снова вздохнул, теперь уже уныло. Эта девушка прелестна и проста, она прозрачна, как льдинка. Эльвёр любит его, и он, наверное, тоже. Вот только...

Как им быть? Ему переселяться в тамошнюю Норвегию, которой, по сути, еще нет? Государство только собирается, сшивается, как из лоскутьев, из земель ранрикиев, ругов, эгдов, гренов, хордов и прочих квенов.

И что там делать программисту? Безусловно, историческое фехтование – великое дело и реконструкция – это просто замечательно. Но нельзя же всю жизнь прожить в прошлом, в ту пору, когда еще и Средневековьем не пахло (зато помоями, навозом и прочими амбре полудикого быта несло основательно)!

Тянуть срок в полутемных, душных «покоях» – сложенном из камня, дерева и торфа «длинном доме», где даже трубы нет, а посередине горит очаг? Чего для?

И какому делу посвятить лет пятьдесят, отпущенных ему на житие с бытием? В походы ходить? Грабить саксов, франков, тянуть все, что плохо лежит, и кровь пускать хозяевам, кои писаются при одном лишь упоминании о норманнах, страшных людях с севера?

Ничего не скажешь, достойный выбор!

Помнится, он все ныл, взыскуя лихого «махалова» мечами – чтоб все по-настоящему, с кровью и костями, а не по правилам феста⁵.

И была ему сбыча мечт – намахался вдосталь, нарубался, наслушался мокрого хруста, нанюхался.

Кошмары неделю снились, потом обвык. Успокоился.

Угомонился, все понял про себя и обрел некую цельность.

Но жить в ту эпоху... Нет уж, спасибо.

⁵ Фест – фестиваль, сбор исторических реконструкторов, где обычно устраиваются бои и пр.

И что тогда? Эльвёр сюда перетянуть? В XXI век? В чужой, непонятный, пугающий мир? А будет ли девушка счастлива среди машин, компов, Интернета и прочих прелестей цивилизации?

Вопрос.

Вздыхнув, Костя свернул со Светланской, поднялся по крутому переулку и вышел к серой высотке, укоренившейся на склоне. Во Владивостоке не найти ровного места – сплошные спуски и подъемы...

Квартирка у него была маленькая, зато своя. Нора. Берлога.

Убежище.

Стащив ботинки, сбросив куртку, Плющ прошагал в комнату и переоделся в старые треники, подцепил пальцами ног разношенные тапки. Сразу стало уютно. Покой...

Прошлепав на микрокухню, Костя сообразил себе бутерброд с колбасой и включил чайник – в обед он забегал в кондитерскую на углу Океанского проспекта, прикупил пару булочек-синнабончиков. С чаем – самое то.

Схозячив и первое, и второе, Плющ прошептал в комнату (она же зал, она же спальня, гостиная и т. д.) и уселся за комп. Запустил, послушал, как взвыл трудяга-вентилятор.

Протренькала мелодийка «винды», и экран расцветился.

Костя откинулся в кресле, наслаждаясь самой неторопливостью, такой растянутостью бытия. Никуда не надо спешить, скачивать и распечатывать рефераты. Можно просто посидеть, полистать сайты, новости узнать.

Тут заиграл скайп, простеньким аккордом призывая ответить абоненту «andott70».

«Дед Антон!»

Костя быстренько соединился, и с монитора на него глянул седой старикан. С бестрепетным взглядом, шрамом на щеке и серьгой в ухе, он здорово смахивал на пирата.

– Здравсте, дед Антон!

– Здоров, Костян. Я Валерке не звонил пока...

Старик замялся, и Плющ насторожился:

– А-а... Так вы откуда? Я думал, вы от Валерки... ну, по скайпу.

Дед мотнул головой.

– Из дому я. Прихватило мне в Сокнхейде поясницу, я и подался в станицу родимую. Отлежался, а старуха моя отварами лечила, она по этому делу – знаток... – Помолчав, старик сказал: – Эльвёр похитили!

Костя резко подался к экрану, выдыхая:

– Кто?!

– Ты... это... спокойно, понял? – строго сказал дед. – Портал все равно только завтра откроется. Кстати, тот, что в самом Сокнхейде, опять растворяться перестал, выходить надобно у Стьернсванфьорда. Во-от... Короче, к конунгу нашему сам Харальд Косматый пожаловал. Всем велит себя королем норвежским звать, не иначе. А с ним флот и дружина, поневоле будешь почтителен... Хьельд-конунг с королем не спорил, поляну накрыл, угостил как полагается. Ну и Харальд чем-то там отдалился, не нагнул особо и своих в узде держал. А в самый день отъезда увидал Эльвёр. Ну и заявился к ней. А та его выгнала!

– Молодец! – вырвалось у Плюща.

– Так-то так... Сдержался Харальд, ничего не сказал, а под вечер велел подручным своим уволочь девку – и на корабль. И ведь что надумал, с-сучок замшелый! Не себе взял, а то прознают еще, не посмотрят, что король, ряшку начистят. Шлет Косматый посольство аж в Миклагард, в Константинополь, то есть к тамошнему императору-базилевсу. Стало быть, послы дары с собой везут – кучу мехов, клыков моржовых и прочего барахла. Ну и девок заодно...

– И одна из них – Эльвёр... – тяжело обронил Плющ.

– Ну да...

Костя прикрыл глаза. Эльвёр – наложница какого-то вонючего ромея, пусть даже коронованного? Ни. За. Что.

– Не бывать тому, – спокойно сказал Плющ.

Он уже все решил. Сразу. Да и что тут думать да гадать? Спасать надо Эльвёр! Вот и весь сказ. А уж как им быть и где на ПМЖ остановиться – это они потом решат. В свободное от погони время.

– Большое посольство? – ровным голосом спросил Костя.

– Четыре скейда и столько же кнорров.

– Скейдов? А почему не драккаров? А-а, ну да... Они путем «Из варяг в греки» двинут? Старик на экране покивал седой головой:

– Драккар велик и тяжел, его волоком не протащишь и пороги днепровские не пройдешь – там же, особенно на грядах Айфор, по воде вообще никак. Вытаскиваешь свое плавсредство на берег и шесть верст прешь вкругаля.

– Понятно... Спасибо, дед Антон. Вы вот что... Не звоните Валерке, ладно?

– Думаешь? – усомнился старик.

– Думаю. У него ребенок, жена еще в себя не пришла от радости. Не надо.

– Ну ладно... – проворчал дед Антон и глянул из-под насупленных седых бровей. – Так ты что же, в одиночку?

Костя серьезно покачал головой:

– Куда ж я один? Соберу команду, идеи есть. Короче, ладно, пошел я вещички собирать. Пока!

– Пока...

Выключив комп, Плющ стал собираться. В поход.

Расстройства, досады на испорченный день не было – Костя даже повеселел. Харальд Косматый своею выходкой разом ответил на все Костины вопросы. Сделалось ясно и понятно, что делать.

А что тут еще поделаешь? Опоясываешься мечом – и вперед!

Глава 2. Константин Плющ. «Выход в город»

Интермондиум. Вне времен

Костя не собирался в поход слишком основательно – лишь бы добраться до Интермондиума. Вся его «средневековая» амуниция, включая оружие и одежду, находилась там, в «камере хранения».

И отправился Эваранди, как был, в утепленных джинсах и зимних кроссовках. Куртка сверху, шапка вязаная на голову.

Готов к труду и обороне.

Костя поправил шапку и шагнул за порог. Закрывая дверь и проворачивая ключ, подумал, что его головной убор – единственное, что он прихватил с собой из Средних веков.

Собственно говоря, это была не шапка даже, а подшлемник – натягиваешь его, а сверху пялишь круглый шлем.

Плющ поглядел на дверь квартиры и усмехнулся.

Когда еще он увидит ее? И вернется ли сюда вообще?

Академку он взял на крайний случай. В деканате проблем не было – Константин Плющ на хорошем счету.

Пропуск Костю волновал не слишком – знания у него есть, да и опыта поднабрался. До полного звания программиста ему не хватает самой малости – диплома. Сдать экзамены...

Сдаст, куда он денется...

Спускаясь по лестнице, Плющ вспоминал себя до того, как угодил в прошлое: сопливого, наивного «ре-кона», реконструктора то бишь, мнившего, что занятия историческим фехтованием делают его крутым меченосцем, – и после.

После того как отбивал наскоки лихих рубак и сам лично погружал клинок во вражью требуху, накалывал сердце или сек шею. Убивал. Причинял смерть.

Валерке, прошедшему чеченскую кампанию, было проще – он уже проливал кровь. А каково вчерашнему студиязусу убивать?

Главное, еще и ныл постоянно – вот, дескать, не развернуться ему никак, только на фестах и помашешь клинком. Ах, ему бы ко временам рыцарей! Уж там бы он натешился вдоволь!

Костя фыркнул, выходя из подъезда и сворачивая к остановке автобуса. Натешился...

Скучно ему было на фестах, видите ли! Конечно, в любой момент можно выйти из бургурта⁶, сказавшись усталым. А куда ты выйдешь из настоящего боя?

Вот прешь ты на врага в строю – собралась дружина «клином» и ломит на противника. И справа побратим, и слева – прикроют. А ты, если что, от них секиру вражью отведешь или щитом стрелу словишь. Как бросить строй?

Или струсить и бежать, или быть убитым. Третьего не дано.

Но когда ты наступаешь, плечом к плечу, то понимаешь, впитываешь с потом и кровью – лучше смерть принять, чем дать слабину! Жизнь, может, и сохранишь, но от позора век не отмоешься...

...Автобус, что шел на Русский остров, был полупустым. Покружив по теснине улиц, автобус «МАН», похожий на аквариум, выкатил на Золотой мост. Скоро ему сходить, встрепенулся Костя, – тот самый форт Морской крепости находился на Чуркине⁷.

Фыркнув мотором, «МАН» затормозил возле остановки, и Плющ вышел, пропуская в салон энергичную тетку с сумкой-чувалом. И как она ее только тащит...

⁶ Бургурт – рыцарский турнир. У реконструкторов – массовый бой стенка на стенку.

⁷ Чуркин – полуостров, отделяющий бухту Золотой Рог от пролива Босфор Восточный.

Асфальт кончился, по склону потянулась набитая тропа – ею пользовались мужики из гаражей, что уступами спускались по склону. Там кипела жизнь – иномарки, новенькие или подержанные, крутые или не слишком, стояли с поднятыми капотами или принимали водные процедуры, благо стояла теплынь, редкая для зимней поры.

Миновав гаражи, Константин выбрался к откосу, где зиял полукруглый вход в форт.

Владивостокскую цитадель отгрохали еще в пору империи, получилось мощно – никто с моря Владивосток не обстреливал. Не осмеливались, понимая, что получают отлуп с крепостных батарей.

Плющ оглянулся – никого – и нырнул под гулкие своды туннеля.

Здесь было сыро и мрачно – серый бетон кругом, проемы, ведущие в пустые казематы, и все. Туристы здесь не ходят, им тут смотреть не на что, и селфи не сделаешь – темно, да и фона впечатляющего нет.

Вход отделился настолько, что Константина окутала тьма. Он включил слабый фонарик, но этого хватало. А вот и тот самый проем – арка в стене.

Луч света уперся в кирпичную кладку, аккуратно замазанную штукатуркой. Здесь.

Плющ глянул на экранчик сотового. Ровно десять. Пора.

В душе, конечно же, закопошилось сомнение – а вый дет ли чего?

Перемещение в Интермондиум больше всего походило на волшебство. Валерка, правда, солидно утверждал, что тут используются супер-пупер-технологии, не отличимые от магии.

Началось!

Кладка словно поплыла, заколыхалась, покрылась рябью – и протаяла. Перестала быть.

Константин шагнул в портал и оказался в круглом зале, сложенном из камня, – зернистая порода переливалась в луче фонарика.

Как утверждали знающие люди, это была не совсем порода, а некие кристаллы внеземного происхождения. Дескать, как-то вот попала на Землю друза, вроде как метеорит, да и разрослась, размножилась делением, а кристаллы в ней не простые – они «прокалывали» время и пространство, образуя кучу порталов в прошлое.

Интермондиум – вообще местечко то еще. Здесь соседствуют далекое прошлое и будущее, а само междумирье как бы выводится за скобки, его как бы нет. Интермондиум смахивает на заклепку у джинсов – она упрочивает сходящиеся к ней швы.

«Швы» между временами.

Сто тысяч лет тому назад сюда проникли кроманьонцы, обжили большую пещеру, откуда можно было выйти и в африканскую степь, и в американскую прерию. Поля вечной охоты!

Неведомый народ, сменивший первобытных зверобоев, перестроил пещеру, возведя над нею огромную Башню. Стены обтесали, вырубili ступени, навешали бронзовые двери на входы в порталы.

Костя оглядел Нижний зал. Сюда он попал через такую же дверь – тяжелую, зеленую от патины и пупырчатую от клепок.

Порталы в несколько этажей опоясывали Башню, выводя в иные времена: хошь, в палеолит, хошь, в Античность. Или еще куда.

Это придавало Башне сходство с вокзалом. Ее так и прозвали – Терминалом.

Плющ поднял голову – мощные стены, круглясь, уходили к потолку. Там их рассекали узкие стрельчатые окна, впуская свет, и, чудилось, весь верх Башни парил в лучистом сиянии, в то время как нижние горизонты были погружены в полумрак.

Сперва Константину показалось, что в Башне никого нет, но вскоре он разглядел высокую фигуру в длинной ниспадающей мантии.

– Здравствуй, Эваранди, – послышался ровный глубокий голос, и Плющ узнал его обладателя.

– Хранитель Романус! Рад вас видеть во здравии.

Хранитель, выйдя на свет, поклонился слегка и сделал широкий жест – пойдём, мол.

Вместе они покинули Терминал и оказались на обширной террасе, с которой открывался замечательный вид на улицы и площади цитадели, ее дома и храмы, парки и статуи, башни и зубчатые стены.

За ними, высокими крепостными стенами, открывались дальние леса, серебрилось море, а от скалистых гор тянулись аркады водопровода – он «перешагивал» через стены города, «наросшего» вокруг Башни. Акведук как бы уравнивал средневековые фахверки, античные инсулы, храмы разных вер и народов, связывая их воедино.

Стражники, охранявшие вход в Терминал, сдержанно, но с почтением поклонились Хранителю.

– Не стану испытывать твоего терпения, Эваранди, – негромко проговорил Романус. – Но и спешка будет только во вред. Над Норэгр скоро опустится ночь, а вот завтра в Сокнхейде люди соберутся на тинг и будут решать, кто виноват и что делать. Твоя задача, Эваранди, отговорить самых безрассудных от войны с Харальдом-конунгом. Ничего, кроме гибели, эти торопыги не добьются. Да и разве твоя цель – отомстить Прекрасноволосому?

– Косматому, – процедил Костя. – Даже если бы я хотел сразиться с ним, что толку? Харальд – бывалый викинг, с детства приученный к мечу. Я ему не противник. Но и цель моя иная – освободить Эльвёр! Я не прощу себе, если она станет наложницей какого-нибудь жирного царедворца в Константинополе! Ревную? Да! Но и справедливость тут тоже есть. Если бы девушка сама выбрала императора или его придворного в суженые – это совсем другое дело. Я бы молча признал ее право на счастье. Но то, что сотворил Харальд...

– Еще не сотворил. Идеи есть?

– Да какие там идеи... Все решится на тинге. Я только предложу родичам Эльвёр и конунгу Хьельду свои услуги.

Плющ в двух словах обрисовал план действий, и Хранитель согласно кивнул:

– Да, это может сработать. А теперь поговорим как Хранитель с Регулятором.

Глава 3. Константин Плющ. Задание

Интермондиум. Вне времен

Романус усмехнулся и покачал головой.

– Моя работа похожа на труд врача или полководца, – сказал он. – От моих решений зависят жизни людей, которые могут прерваться потому лишь, что иначе жертв будет еще больше. Регуляторы, которых мы посылаем в прошлое, не спасают историю, они лишь немножечко подправляют ее ход, чтобы события не выходили из знакомого нам всем русла... Ты здесь потому, что хочешь помочь Эльвёр, а я, вполне понимая – и разделяя – твои побуждения, думаю шире. Так уж получается, что Регуляторы никогда не отправляются в прошлое по своим личным делам, этого еще не случалось. Не случится подобного и с тобой...

– Мне нельзя будет попасть в ту эпоху? – напрягся Костя.

Хранитель покачал головой:

– Все гораздо сложнее. Регуляторы... Они особые люди. И ты тоже. Знаешь такое полумистическое свойство квантовой механики – вмешательство наблюдателя меняет состояние системы? Вот так же и с хронодинамикой – Регулятор, перемещаясь в прошлое, влияет на исторический процесс своим присутствием, он как бы приводит историю в норму. Вступившись за кого-то, застрелив негодяя или освободив узника, он просто борется за справедливость – именно это и выправляет историю. Я мог бы ничего этого тебе не говорить, но мне хочется, чтобы ты не был слепым орудием. Ты безусловно отправишься в IX век. Об Эльвёр тебе рассказал Антон?

– Да.

– Я так и думал. Дело в том, что я и сам бы обратился к тебе, чтобы ты выполнил задание как Регулятор, а заодно спас девушку. То, что я ставлю задание на первое место, не должно тебя отталкивать – мы, Хранители, вынуждены быть циничными, ибо слишком велика ответственность. А дело вот в чем... Посольство Харальда преследует уж больно объемные цели. Конунг слишком тщеславен, он задумал одну проделку, которая удалась князю Владимиру, – Косматый готов креститься, чтобы жениться на августе, то есть дочери императора, принцессе. Правда, у базилевса Василия сплошь сыновья, но среди императорской родни найдутся и молодые особы, готовые выйти замуж за короля варваров. Этого нельзя допустить, хотя бы потому, что подобное усиление норманнов пагубно скажется на землях наших предков – викинги оседают главные коммуникации, захватят путь из варяг в греки, а это становой хребет будущей Руси. Сейчас в Гардарики правит Рюрик Альдейгьюборгский, но совладеет ли его дружина с норманнами? Нужно непременно избежать войны и лихолетья! И самый простой способ достичь этого – помешать посольству Харальда-конунга прибыть ко двору базилевса.

– Помешаю, – сощурился Эваранди. – Так помешаю, что...

Романус с сомнением поглядел на него.

– Беспокоит меня твое неумное нетерпение, Эваранди, – проворчал он. – Ты еще не привык к неспешному течению жизни в IX веке, а надо бы. На поиски любимой следует отправляться с холодным спокойствием. Чтобы подавить твою горячность... – Хранитель обернулся к горам: – Видишь, туда, к перевалу, уходит дорога? Ею почти не пользуются, хотя она довольно коротка. Возьми лошадь в конюшне у Гомеза и езжай по ней за горы. Спустишься по ущелью и выедешь на берег моря. Коня оставишь в устье ущелья, где есть вода и трава, а сам ступай к морю. Садись на песочек и просто посиди, полюбуешься будущим морем. Обдумай жизнь, отрешись от суеты, обрети внутренний покой. Часа тебе хватит, хотя спешить некуда – посольство сперва отправится в Роскилле. Возможно, завернет в Уппсалу, а уже затем двинется к Аль-

дейгьюборгу, то бишь Ладоге. Поднимется по реке Олкоге до Верхнего волока, доберется до Днепра... Путь долог.

– Спасибо за совет, Хранитель, – поклонился Эваранди. – Так я и сделаю.

Зайдя в «камеру хранения» (бывший храм Януса), он отпер свой шкафчик и переоделся.

Штаны из черной кожи, мягкие сапожки с завязками, длинная льняная рубаха. Повесив на плечо сумку, в которой лежали кольчуга и шлем, опоясавшись мечом, а свободной рукой подхватив куртку (было тепло), Костя пошагал по Главной улице, проходя между величественным египетским храмом, заставленным массивными пилонами, и стройными колоннадами эллинского периптера, смахивавшего на Парфенон.

Улицу покрывали тесаные каменные плиты, но ни одной машины в Интермондиуме не водилось – только пара повозок скрипела в конце улицы да пешие расхаживали, чтобы себя показать да на людей посмотреть.

Забежав в харчевню «Ешь как хочешь!», Эваранди прикупил хлеба, маленький кувшинчик вина, закупоренный пробкой, сыру, жареного мяса, остывшего, но пахучего, и перешел улицу, направляясь к платной конюшне.

Гомез был старичком шустрым, но до того усохшим, что казался ожившей мумией. Сговорились за пару серебряных монет.

Оседлав чалого, спокойную конягу без придури, и переложив наконец-то тяжелую сумку на покладистое животное, Плющ пошагал к Восточным воротам, ведя скакуна в поводу.

Дорога к горам ничем особенным примечательна не была, разве что обочинами своими, вдоль которых, по римскому обычаю, расположились могилы – простые плиты, надгробья, а то и маленькие пирамидки шли в два ряда, растягиваясь на километры.

Чему удивляться? Интермондиуму многие тысячи лет, много тут народу прошло, кое-кто и задержался – навеки.

Дорога вильнула и потянулась извилистым ущельем, где цоканье копыт отдавалось звонким эхо.

Долго ли, коротко ли тянулся путь, но и он кончился. Сразу.

Вот только что кремнистая грунтовка отдавалась топотом, и все, дальше поляна, ручеек, и даже коновязь – из скалы выходило этакое полукольцо из серебристого металла толщиной в ногу.

Вряд ли, конечно, это коновязь, но захлестнуть поводья можно. Отсюда коняга и до травы дотянется, и вода вон. Холодная. Чистая.

Сняв седло и поклажу, Эваранди неторопливо отправился к берегу, волнуясь в душе, – было светло, однако и скалы, и само небо было пронизано красными лучами. Но это был не закат.

Выйдя к морю, Костя замер.

Не слишком широкая полоса берега изгибалась дугой, уходя за горизонт и тая в дымке. Спокойные волны, набегая из морской дали, слабо, будто из последних сил, выкатывались на пляж. Волны отливали багрянцем и темной синевой, ибо в небе царило красное Солнце.

Оно было огромно. Занимая едва ли не четверть небосвода, светило ощутимо грело, а того сумрака, что бывает на закате, не наблюдалось и в помине.

Ясный день, только в багровых тонах.

Солнце не слепило, на него можно было смотреть, хотя увлечься не стоило. Колоссальный диск алого огня висел в безоблачном небе цвета сапфира – никакой тебе легкомысленной лазури, сплошная густая синева.

И тишина...

В мире стояло абсолютное безмолвие. Только волны шелестели, да и то чудилось, что шепотом. Ни дуновения – видимо, Солнце, раздувшись в красного гиганта, лишило атмосферу Земли того нагрева, что бывало ранее, и ветра улеглись.

Все успокоилось. Или успокоилось?

Ни единой птицы, как в силурийском периоде, только там пичуги еще просто не возникли, а здесь их уже не стало. И букашек-таракашек не видать.

Константин медленно опустился на камень. Он был теплым.

Ощущения, что владели в этот момент Плющом, сложно передать. Он испытывал некое душевное оцепенение.

Минул миллиард лет. От человеческой цивилизации даже культурного слоя не осталось, да и той Земли, что была, не узнать.

Средиземное море давным-давно исчезло, Европа с Африкой сошлись, вздыбив горную цепь вроде Гималаев. Северная Америка сцепилась с Африкой, Австралия с Индонезией, и все материки слиплись в новый суперконтинент – Амазию.

Со дня рождения Константина Плюща минули целые геологические эпохи. Непонятно даже, куда зашла эволюция, как изменились живые существа – опять пошли в рост, под новых динозавров, или, наоборот, измельчали? Или вымерли?

Поднявшись с камня, Эваранди прогулялся вдоль бережка, пока не набрел на поросль жесткого кустарника, безлистного, но с массой тонких веточек фиолетового окраса. И это все?

Костя покачал головой и криво усмехнулся.

Понятно, зачем Хранитель уснул именно сюда: где еще так ясно и окончательно поймешь тщету и бренность всего сущего?

Миллиард лет стер все, что Плющ понимал под словом «Земля».

Нету больше ни городов, ни дорог – стройматериалы, раздавленные осадочными породами, давным-давно скомкались в камень. Где сейчас искать фрески Микеланджело, картины Леонардо? В каких породах?

За миллиард лет на Земле вполне могла смениться куча цивилизаций, и не факт, что все они были гуманоидными. Сколько там, в 2015-м, осталось человечеству бить себя пятками в грудь, прославляя «венец творения»? Две тысячи лет? Три? Пять, может?

Вряд ли больше. Человек разумный станет человеком всемогущим – и тогда развитие остановится. Люди добьются всех своих целей, даже самых фантастических, и у поезда прогресса кончатся рельсы. Дальше идти будет некуда.

Народы, слившись в одну семью, застынут в нирване. Будут наслаждаться благами рукотворного земного рая – и вырождаться, утратив смысл существования, цели и стимулы. А может, они просто затеют третью или даже четвертую мировую войну и уничтожат себя? Да какая разница!

И миллиона лет хватило бы, чтобы археологи с других планет с трудом отыскивали следы человеческого присутствия на Земле. А тут миллиард минул!

Еще несколько миллиардов лет пройдет, звезда по имени Солнце разбухнет на полнеба, океан испарится, Земля станет похожа на каленое ядро, безжизненное и безрадостное небесное тело.

И что, в сравнении с этими космическими и геологическими катаклизмами, значит судьба одной девушки?

Константин, храня усмешку, развернулся и медленно пошагал обратно.

Чалый нисколько не пугался исполинского Солнца – конь хрупал травкой да прядал ушами, звякая уздечкой. Увидев человека, встрепенулся, вскинул голову, словно спрашивая: «Что, едем?»

– Поехали, чалко, – похлопал Плющ по холке животину.

Глава 4. Эльвёр, дочь Освивра. Наложница императора

Сёлунд, Роскилле. 15 мая 871 года

Единственный сын Хальвдана Черного, конунга из рода Инглингов, Харальд Косматый стал после смерти отца правителем Вестфольда, но не успокоился на этом.

Харальд захотел объединить под своей властью всю Норэгр и чтоб подати были едиными и все норвежцы жили вместе, имея одного правителя. И до той поры, пока этого не произойдет, Харальд поклялся не расчесывать волосы, за что его и прозвали Косматым. Ох, наверное, и чесалась его шевелюра!..

Ныне Харальду исполнился двадцать один год. А когда он был малолеткой, войском командовал его дядя Гутторм.

Мечом и посулами Харальд собрал под своей властью земли халейгов, раумов, трандов, ругов. Ярлы и хевдинги сопротивлялись яростно, не желая иметь над собою правителя, а иные, отчаявшись сохранить волю, отправились осваивать «Ледяную землю» – Исландию. Близилась решающая битва с теми, кто отстаивал старые порядки...⁸

А пока Харальд Косматый прямо из сил выбивался, лишь бы походить на великих правителей. А куда владыке без дипломатии?

И вот Харальд расстарался, отправляя в Миклагард четыре кнорра с товаром и подарками, – что не будет преподнесено в дар базилевсу, подручные конунга продадут на торгу. Уже не так жалко выйдет расставаться с добром.

Конечно же, базилевс непременно отдарится и кнорры повезут по пути «Из греков в варяги» кучу восхитительных вещичек, сработанных мастерами Константинополя, так что Косматый точно не прогадает. Однако Эйнар Пешеход, милостью Харальда-конунга вышедший в ярлы, тоже хотел подзаработать...

Эльвёр Освиврлоттур неласково усмехнулась, оглядывая кнорр «Тангриснир». В отличие от длиннотелых, изящных драккаров, суденышко было пузато, отчего ходкостью не отличалось.

Гребли на кнорре с носа да с кормы, а посередине весел не держали, там находился емкий трюм.

Кожаные мешки, набитые мехами, связки моржовых клыков, пахучие круги воска – груз был тяжел и ценен. И еще четыре наложницы – тоже подарок. Она – пятая...

Это было унижительно. Если проклятый Харальд хотел ей отомстить и сделать больно, то ему эта подлая затея удалась. Чувствовать себя подарком, мягкой игрушкой, с которой станет «баловаться» пышнотелый император, было невыносимо.

Противно!

Одна надежда еще грела Эльвёр – что родичи не спустят Харальду его пренебрежения законом, что помогут. Но как?

Вон море вокруг... И надежда таяла, как снег на камне в весенний день.

Харальд-конунг послал в Миклагард сорок человек из своей дружины – целый отряд могучих викингов. С ними идут купцы, но и они люди бывалые.

Девушка внимательно оглядела гребцов. На кнорре за веслами сидели всего трое воинов, остальные – просто крепкие парни-моряки, что ходят за море с купцами. Но и они тоже бойцы.

Ведь не секрет, что стоит купцу заприметить другого торгоша, послабже, как его мореходы миглом вооружаются, превратившись в пиратов. В море никто не отказывается от добычи.

⁸ Она произойдет через год после описываемых событий при Хафрсфьорде.

Получается, что рассчитывать на них не приходится. Даже если кто из команды и сжалится над нею, то против воли хозяина не пойдет. Да и что он может сделать, этот вероятный добряк? Устроить ей побег? Зачем для этого чья-то помощь?

Сбежать можно легко. И что потом? В чужой стране, где ты никто, – легкая добыча для каждого, способного совладать с тобой.

Любой дан на Сёлунде может ее насильничать и убить. Или сделать рабыней. И ничего ему за это не будет – закон не защищает чужих. И как прикажете девушке – без оружия, без денег, без еды – добираться до дому? Вплавь? Так она ж не тюлень...

Нет уж, о побеге можно думать лишь тогда, когда они придут в Уппсалу. Там-то, если она убежит, то сумеет добраться до родных мест по сухопутью, через темные леса, через высокие горы...

Страшно? Да. Опасно? Очень. А что делать?

Эльвёр тяжело вздохнула и, нахмурившись, глянула за борт. На юге засинела кромка берега.

– Сёлунд! – удовлетворенно сказал кормщик.

Дочь Освивра никогда не была за морем и не видела иных земель. Сёлунд даже близко не походил на ее страну, где сплошь горы да фьорды меж крутых берегов, где реки не текут, а хлещут, свергаясь водопадами.

Сёлунд был совсем другим – плоский, лишь всхолмленный слегка, остров не отличался суровой красотой северных заливов. Казалось, кнорр приближался к стране бондов, где все только и занято тем, что пашут да скот пасут. Но нет, даны, здесь проживающие, отличались весьма воинственным нравом.

Их славный подвигами конунг Рагнар Кожаные Штаны держал в страхе всех соседей окрест, а когда король Эллы Нортумберийский из Энгланда⁹ коварно убил Рагнара, то его сыновья объявили Элле войну. И победили.

Даны до сих пор воюют на землях Энгланда, а Сёлундом нынче правит сын Рагнара – Сигурд Змееглазый. Этот Рагнарссон примерно отомстил убийце своего отца – он взял в жены Блайю, дочь короля Эллы.

Эльвёр усмехнулась. Наверное, Блайе будут понятны ее чувства.

К Роскилле, гнездовью Рагнара и его сыновей, вел фьорд, но какой-то несерьезный – ни одной всамделишной горы. Невысокие склоны, то пологие, то крутые, сплошь заросли дубняком да прозрачными буковыми рощами. Иной раз деревья отходили, освобождая место для заросших травую пастбищ, по которым бродили упитанные коровы.

Ни одного боевого корабля по дороге не встретилось – сплошь купеческие кнорры да рыбацкие челны. И никто не пугался скейдов со щитами по бортам – вся семейка Рагнарссонов славилась крутизной, и Сигурд тоже в отца пошел. Ежели кто обидит сёлундца, будет иметь дело с правителем острова, что означает смерть – быструю или медленную, это уж по настроению Змееглазого.

Даже сейчас, когда большая часть воинов отправилась в Энгланд, есть еще кому защитить Сёлунд.

С левого борта, обгоняя кнорр, прошел скейд Лейфа Тихони. Лейф поднялся во весь рост и зычно прокричал:

– Драконов снять или развернуть! Белые щиты поднять!

Команду исполнили быстро – носовые фигуры скейдов, изображавшие дракона, волка, ястреба, снимали или развернули клыкасто-клювастыми пастями назад и накрыли сверху мешками. Негоже пугать местных духов, а то еще рассердятся, пакость какую учинят...

⁹ Энгланд – Англия.

Другие бойцы в это время подтягивали к вершушкам мачт круглые щиты, с изнанки вымазанные белым, – знак добрых намерений.

Вот так, тихо-мирно, посольство и проследовало в гавань Роскилле. У причалов качалось довольно много судов, стояли тут и «длинные корабли», попадались арабские завы. А дальше на берегу начиналась столица Сёлунда – скопище «покоев», чьи стены были утеплены торфом, а крыши выложены дерном. Среди зеленых кровель попадались дома, рубленные из бревен, а парочка была сложена из камня. И ни стен, ни башен вокруг – на севере укрепления не в ходу. Оно и понятно – никаким франкам или саксам даже в голову не придет напасть на селения норегов или данов. Богобоязненные христиане пуще своего Господа страшатся норманнов – ужасных северных людей, неутомимых в кровопролитии и грабежах.

К кнорру приблизился скейд Эйнара Пешехода. Огромный викинг, назначенный главой посольства, скомандовал кормщику Фроди Белому:

– Девок на берег. Запрешь их в бараке для тир.

– Понял, – прогудел Белый. – Хунди и ты, Хальвдан, – проводите «лохматый товар».

– Сделаем! – ухмыльнулся Хунди, выказывая щербатые зубы.

Хальвдан Молчун кивнул только. Подсмыкнул кожаные штаны и махнул рукой наложницам: за мной.

Девушки безропотно подчинились, и их свели в крепкий сруб, где обычно держали рабынь-тир. Ходкий товар.

Те же арабы слюноточили при виде синеглазых и светловолосых дев.

Эльвёр зашла в барак и, пристроившись у стены, загребла побольше сена. Возможно, что здесь им и ночевать придется.

Дверь закрылась, грякнул засов, и теперь темноту рассеивал лишь дымогон – дыра в крыше прямо над очагом-лонгилле.

Очаг давно не разжигали – тепло.

Дочь Освивра не успела сосредоточиться на грустных думах – дверь отворилась, пропуская мрачного горбуна, приволокшего котел с горячей кашей. Короткостриженный трэль нес за ним деревянные плошки и ложки.

Навалив пленницам по порции варева, горбун буркнул:

– Ешьте.

И удалился.

Эльвёр отказываться не стала, тем более что в плошке парила каша из толокна с признаками мяса. Сlopав свой обед, она запила его скиром¹⁰. И немного даже успокоилась.

А что, собственно, произошло? Харальд, скотина этакая, услал ее в Миклагард? И что? Путь долог, всякое может случиться...

– Говорят, в Миклагарде все ходят в шелках и парче, – проговорила рыжеволосая и зеленоглазая Гудрун. – Мы будем есть с золота и ходить в золоте...

– Может, и ходят, – буркнула Гунилла. – Нам-то что? Мы, чай, не невесты, а подстилки. Подстилкам золото не полагается.

– Что плохого в том, чтобы стать наложницей? – томно проговорила Гейрлауг. – Плохо, если мужчина нищ и не знатен, но если наоборот – это же хорошо! Наши роды бедны и бессильны, ведь никто даже не пытался нас отбить. Ярлы, что противились воле Косматого, потеряли власть и жизнь, а мы утратили свободу. Или кто-то из вас надеется вернуться в родные края? Даже если Эйнар поворотит обратно, то куда вы собираетесь вернуться? В селения, разоренные Харальдом? А кому вы там нужны?

¹⁰ Скир – напиток из кислого молока.

– А они думают, что там их ждут женихи, наперебой предлагая мунд, – съехидничала Тора. – Так и стоят толпой, готовясь раскупорить бочонки со «свадебным элем»!¹¹

Спор быстро перерос в ссору, но до драки дело не дошло – снаружи донесся трубный рев, после чего дверь сотряслась от могучего удара. Еще два удара сердца – и толстая створка отлетела прочь, а в барак вломился громадный человек с длинными волосами цвета соломы, заплетенными в косы. Шлема на нем не было, а вот кольчуга была и меч имелся. Глубокий шрам на лице так стягивал кожу, что любая улыбка поневоле делалась зловещей.

Оглядевшись, шрамолицый засопел.

– Ага, – буркнул он и шагнул к Гудрун. – Ноги врозь, красотка, я пришел.

– А ну вон отсюда! – заверещала «красотка».

Шрамолицый удивленно посмотрел на нее и расстегнул воинский пояс.

– Давай-давай заголяйся... – проворчал он.

Эльвёр даже на расстоянии почуяла запах перегара – насильник был пьян. Правда, судьба Гудрун ее мало волновала, куда больший интерес вызывал пояс, что упал рядом.

Гудрун отчаянно сопротивлялась, брыкалась и молотила кулачками по необъятной груди шрамолицего. Неожиданно ей помогла Гунилла. Вдвоем девушки опрокинули викинга на спину.

Шрамолицый не взревел от злобы и не убил обеих. Повалившись на ворох сена, он поерзал, помычал что-то и благополучно уснул. Вскорости храп загулял под низкими сводами.

Снаружи послышались голоса: Эйнар спрашивал сердито, Ульф оправдывался.

Эльвёр быстренько подтянула к себе пояс незадачливого любовника и вытянула из кармашков два метательных ножа – без рукояток, но с колечками, чтобы было легче выхватывать пальцами.

Спрятав трофей в складках платья, дочь Освивра приняла свой обычный – угрюмый и отрешенный – вид.

– А что я мог? – бубнил Хунди. – Это же сам Стюрмир Валун! На него таких, как я, двое нужно!

– Ладно, замолкни, – пробурчал Пешеход. Оглядев храпевшего Стюрмира, он махнул рукой: – Ладно, пусть проспит. Нам все равно скоро отчаливать.

И ушел.

У наложниц появилась новая тема для болтовни, а Эльвёр принялась потихоньку обматывать похищенные ножики тесьмой – хоть какие-то рукоятки будут. Два маленьких клиночка – это оружие.

Свободу она им не добудет, но вот честь отстоять... Попробовать можно.

¹¹ Нравы в среде норегов (да и русов) царили весьма свободные. Мужчина мог иметь не одну и не две наложницы, но законная жена получала много прав (например, на возврат части приданого при разводе). За жену нужно было обязательно выплатить выкуп родителям (мунд). «Свадебный эль» выпивался при свидетелях, после чего мужа вели к постели жены.

Глава 5. Константин Плющ. Фьорды

Норэгр, Сокнхейд. 16 мая 871 года

Последние часы перед уходом в «мир иной», то бишь во фьорды, Плющ провел в библиотеке, беседуя с опытными людьми – Регуляторами, уже бывавшими в землях, которые еще только готовились стать будущими Норвегией, Швецией, Россией.

Учебники по истории умалчивали о том, как тут жили-были в IX веке. Подлинных документов насчитывались единицы, а, по большей части, информация черпалась из легенд и саг.

Далеко от фьордов, за Восточным морем, как называли Балтику, пролегали земли Гардарики – Страны Крепостей, той самой, что в будущем прозовут Русью.

Правда, страны как таковой там не существовало – наличествовали отдельные царства-государства, где правили князья и конунги, порой даже не гранича между собой, – уж больно земля была велика и обильна, а леса дремучи.

Поэтому все старались селиться у больших рек – настоящих путей сообщения той поры, а самым главным из них являлся путь из варяг в греки – это если двигаться с севера на юг.

– Начинался он в Приневье, – авторитетно толковал Лангместур, в миру – Максим. – Лодьи с Восточного моря попадали в озеро Нево¹², а оттуда подходили к устью реки Олкоги – Волхова, по-нашему. Выше по течению в Олкогу впадает речка, которую местная ижора именует Аладьogi¹³. Вот в том самом месте и выстроили город-крепость Альдейгьюборг, которую пришлые славяне переименовали в Ладогу...

По тогдашним временам, Альдейгьюборг слыл большим городом – в нем проживало аж десять тыщ человек. И он славился своим базаром – Торгом.

Сюда приставали корабли арабов, поднявшиеся по Итилю-Волге, и греки бывали, и булгары с хазарами, и нореги со свеями заглядывали. Шумное было место, и правил там тот самый Рюрик из варягов, которого местные призвали на княжение.

– Умный был народ, – усмехался Паль, то бишь Павел, – своим-то ярлам да князьям воли не давал, а то силу да власть возьмут, да и прижмут «пипл». А чужака позовут – тот и расстареется. Дружину свою приведет, чтобы врагов гонять. Чем плохо?

Ну, само собой, Рюрик своим попечением и весь путь из варяг в греки не оставил – повсюду своих людишек посадил, чтоб за порядком следили да не забывали с купцов и прочих мзду брать.

– Волоки – хозяйство сложное, – рассказывал Ингвар-Игорь, – пригляду да умения требует, кого попало к ним не приставишь. А вот ежели платить изрядно мужикам, что суда перевозакивали из реки в реку, то самых умельцев и соберешь. А когда волоки содержатся как надо и охрана строгая, то купцы сами повалят – уважает торговый люд закон и порядок.

Много народу собирается на «перекрестке», где близко сходятся Днепр, Ока, Двина¹⁴ да те волоки, что с севера ведут, от Ловати.

Город там стоит – Сюрнесом зовется. Там тоже товару не счесть – и с восточных пределов поступает, из земель арабов да персов, и от булгар, что на Итиле сидят, и с севера, от мери да муромы. Богатое место!

Вот и на него Рюрик лапу свою железную наложил, почти до самого града Киева дотянулся, что греки Самбатасом кличут...

¹² Нево – ныне Ладожское озеро.

¹³ Аладьogi – ныне река Ладожка, приток Волхова.

¹⁴ Имеется в виду Западная Двина.

* * *

Набравшись уму-разуму, Плющ едва поспел к нужному часу.

У самой Башни его подждал Романус.

– Ну вот и все, Регулятор, – сказал он невесело. – Теперь лишь от тебя одного зависеть будет исход, от сметки твоей, от силы и воли. И вот что запомни: в то время, куда ты направляешься, ведут лишь два портала. Один выводит к Стьернсванфьорду, а другой находится в Константинополе, как бы на разных концах пути из варяг в греки.

Подробно обрисовав, как добраться до портала, Хранитель проводил Костю до самых врат:

– Верю, свидимся еще, Эваранди!

– Хотелось бы!

Аккуратно прикрыв за собой бронзовую дверь, Костя согнал улыбку с лица. Все, покой и безопасность остаются в Интермондиуме. Там, куда он собрался, очень легко потерять волю, заделавшись рабом, а то и самую жизнь.

Законы в том мире строгие, и они неукоснительно соблюдаются, но только для своих, на чужака не распространяясь.

Чужой – всегда добыча и жертва, и надеяться можно только на себя. Или приткнуться к местному воителю, ярлу или конунгу.

Однако попасть в ярлову дружину так же просто, как в XX веке добиться приема в отряд космонавтов. Вот и думай...

Одолев извилистый ход – портал выходил в пещеру, – Эваранди выбрался на обширный луг. Знакомо заколотилось сердце – дальше открывался необъятнейший простор. Стьернсванфьорд.

Задыхаясь от испуга и восхищения, Костя глядел на синюю извилистую ленту залива. Его обступали крутые склоны гор, заросшие соснами, или отвесные скалы, с которых в синее зеркало опрокидывались белопенные водопады.

И всем этим великолепием Эваранди любовался с высоты в добрых полмили!

– Красота-то какая... – прошептал он. – Лепота!

Сощурившись, он огляделся. Знакомые места. Сетер¹⁵ должен быть где-то там, дальше по дороге к югу. Как раз по пути.

Спускаться к берегам фьорда, где располагался поселок, он не рискнул. Кто там хозяин нынче, он даже не догадывался, но в любом случае не искал неприятностей.

Он еще далеко не в той весовой категории, чтобы спорить с могучими викингами. Это в дурацких голливудских фильмах викингов рисуют неуклюжими громилами. Ага...

Викинг, он как медведь – только с виду неразворотлив да ленив. На самом-то деле «мишка» легко коня догонит, повалит и распотрошит.

Костя внимательно оглядел себя: кожаные штаны, мягкие полусапожки, рубаха с вышивкой. Стеганный поддоспешник и вязанный подшлемник, сам шлем и кольчуга и еще кое-что по мелочи лежали в сумке, оттягивавшей плечо.

Лишь с мечом Эваранди не стал расставаться – клинок в ножнах висел у него на перевязи слева. А то мало ли что...

Другое плечо у Плюща было нагружено седлом, стареньким, потертым, но все еще годным – Романус отыскал его где-то в запасниках. Седло было нужно для «легенды».

Первыми Костю учуяли пастушеские псы. Басисто лая, они показались из-за кустов, но близко подходить не стали – имели опыт общения с меченосцами.

¹⁵ Сетер – «верхнее пастбище». Общинное угодье.

Бегом прибежал пастух-оборванец и отогнал собак.

– Кто таков? – осведомился он, смешно путая сердитость с боязливостью.

– Я спешу в Сокнхейд, к Хьельду-конунгу, – громко объявил Эваранди. – Моя лошадь захромала, и я хочу занять пастушескую.

– Заня-ять... – протянул пастух.

Эваранди достал пару дирхемов, похожих на серебряные чешуйки.

– Хватит?

– Вполне! – расплылся трэль. – Ежели что, пускай Хравн Одноухий обратно пригонит коняшку.

– Передам, – кивнул Плющ. – Коняшка где?

– Щас!

Пастух скрылся в кустах, воротившись с низкорослой мохнатой лошаденкой, густогривой и флегматичной.

– Вот!

– Годится, – кивнул Плющ и принял поводья. Гнедой коняшка спокойно принял седло. Затянув подпругу, Костя приторочил к седлу свою сумку и сел верхом, не забыв скормить «транспортному средству» сухарик да сахарок.

Коник благосклонно принял угощение и потрусил на юг.

Глава 6. Константин Плющ. «Великолепная дюжина»

Норэгр, Сокнхейд. 16 мая 871 года

Дорога прошла без приключений. Ближе к владениям Хьельда конунга горы стали понижаться, а леса густеть, лишь кое-где у чащобы были отобраны полянки под пажити, на которых копошились местные аграрии.

Шлях потянулся вдоль берега Сильбрвика – Серебряного залива.

За очередным поворотом открылся Сокнхейд – нагромождение покоев да изб за крепким частоколом, – и коняшка сам прибавил прыти, чуя окончание пути.

На воротах дежурил Свейн Копыто, старый знакомец.

Ухмыльнувшись, он отвел копые.

– Заваливай, Эваранди! – громко сказал Свейн. – Давно ж тебя не было.

– Дела, – улыбнулся Плющ.

Площадь посреди Сокнхейда была невелика. Обычно тут вели торг, но ныне было не до купли-продажи.

Несколько сот народу собрались на тинг – скандинавский вариант русского вече. Демократия такая.

То есть все собравшиеся и съехавшиеся орали, махали руками, грозились, бранились, соблюдая плюрализм мнений.

Приблизившись, Эваранди разобрал глас народа – люди были злы на Харальда Косматого. Половина склонялась к тому, чтобы требовать с конунга виру за похищение свободной женщины, а малая часть и вовсе призывала к войне.

Как и на Руси, власти выслушивали мнения и рулили народной волей, утихомиривая самых воинственных, поддерживая умеренных.

Спешившись, Константин быстренько накинул поводья на коновязь и пробился поближе к власти имущим. Первым его заметил Хродгейр Кривой, херсир и родной дядя Эльвёр.

– И ты здесь? – оскалился он.

– Приветствую тебя, – слегка поклонился Костя. – Андотт Кузнец передал мне весть о похищении Эльвёра, и вот я здесь.

Хродгейра передернуло:

– Косматому не поздоровится, если на тингах узнают о дочери Освивра! – процедил он.

– Безусловно, херсир, но чем нам это поможет? Да, Харальд струсит и пойдет на попятную. И виру обязательно выплатит. Но где в это время будет Эльвёр?

Херсир криво усмехнулся:

– Не хочешь отдавать девчонку?

– Не хочу, – серьезно ответил Плющ. – Вот, если бы она сама решила выйти за кого замуж, а ты бы благословил, как ближайший родич, тогда другое дело. Но то, что сотворил Харальд, рушит все обычаи и законы! Эльвёр нужно освободить.

Хродгейр раздраженно вскинул руки:

– Знаю, Эваранди! Знаю. Думал над этим. Только как? Косматый посольство направил в Миклагард – почти что сотню человек. Из них половина – бойцы его хирда, да и остальные не хуже. Как отобьешь девушку у целой толпы вояк?

– Да не надо никакого боя! Эльвёр необходимо выкрасть, а для этого хватит и пары скейдов с добровольцами.

– Верно мыслишь, Эваранди, – прогудел голос за спиной.

Это был сам Хьельд-конунг, седой и величественный.

– Здрав будь, конунг, – поклонился Костя.

Конунг хлопнул его по плечу:

– Беда в том, Эваранди, что никто из моих людей ни разу не хаживал тем путем, по реке Непру...

– Я хаживал! – заявил Плющ.

Тут он не врал – родом он был с Украины, там родился, там пошел в школу. А когда перешел в пятый класс, родители подались на Дальний Восток. Лишь однажды летом ему довелось вернуться на малую родину – на каникулы. В восьмом классе.

Тогда он с друзьями осуществил давнюю, детскую еще, мечту – прошел по Днепру на шлюпке «Мисхор». Это было здорово, а теперь и пригодилось. Хотя, с другой-то стороны, нынешний «Непр» иной, и грозные пороги не покрыты никаким водохранилищем. Да и волоки он не проходил...

Но не признаваться же в подобных... мм... «недоработках»!

– Ага! – заинтересовался Хьельд. – Ага... Ну пара скейдов найдется, а люди...

– Люди будут, – заверил конунга Хродгейр.

– Ну, раз так, выходи на тинг, и объяви, что Харальду мы не спустим! А в подробности вдаваться не стоит – тайна. Кто поймет – молодец, а до кого не дойдет... Мы таких и спрашивать не будем!

* * *

К вечеру кнорр «Рататоск» был готов к дальнему пути. Именно кнорр – купеческий, широкий и вместительный, с высокими бортами. Уступая скейду или снекке в скорости, кнорр был куда остойчивей и море-ходней. А главное, именно торговый кнорр как нельзя лучше маскировал истинную цель плавания.

В послах у Харальда-конунга люди бывалые, они влет углядят чужие скейды. И что тогда? Морской бой устраивать? Чего для?

Идею путешествия на кнорре предложил Эваранди.

Викинги даже слушать его не стали, с ходу отвергая подобную чушь. Им, великим воинам, топтать палубу торгашеского кнорра?

Не бывать тому!

Но Костя был настойчив.

Первым сдался Йодур Беловолосый – высокий мужик средних лет с белыми как хлопок волосами. Он числился хевдингом – в старину так титуловали вожда, а нынче это было звание военачальника.

– Ей-ей, – проворчал Беловолосый, – мальчишка говорит дело.

– Но кнорр... – слабо воспротивился Бьёрн Коротыш.

– Пустое! – небрежно отмахнулся Йодур-хевдинг. – Трус и на лангскипе¹⁶ останется трусом.

– Эваранди прав, – проворчал Хродгейр-херсир. – Никто даже не подумает на нас, ежели на кнорре пойдем. Посольство, говорят, сам Эйнар Пешеход ведет, а он скейд к себе не подпустит. Да и кто подпустит? А вот кнорр – совсем другое дело! Хоть бортом о борт колотись, что с купца бестолкового взять?

Близняшки Вагн и Хадд переглянулись и сказали дуэтом:

– Мы – за!

¹⁶ Лангскип – «длинный корабль». К этому типу относятся большие военные корабли викингов – драккар (вернее, дрэки) и лодья. Они вмещали по 100–120 воинов. Скейд («рассекающий волны», на Руси говорили – скедия) и снекка были средними кораблями – на 30–40 человек.

– Слава Одину! – фыркнул Коротыш. – А то я распереживался уже, вдруг да вы не согласны будете.

– Не переживай, – ухмыльнулся Вагн, – согласные мы!

Викинги расхохотались. Первым смолк Свейн Копыто, чей кожаный панцирь был обшит на манер степного кочевника – пластинами из лошадиных копыт.

– Я поговорю с Ульфом Меченым, – проговорил он. – У него добрый кнорр, а сам Ульф охоч до странствий... Особливо если выгода светит.

– Ну мы ж не порошние пойдем! Товару наберем, чтобы все по чину было.

На том и порешили.

Ульф Меченый был купцом наполовину, а другую половину занимала его истинная сущность – пиратская. И команда у него была под стать – головорезы. Правда, под тяжелым взглядом Хродгейра или Йодура они искательно улыбались, напоминая волчат, что падают на спину перед матерым волком.

Команда прибывала помалу, и все делалось в большом секрете – в Сокнхейде вполне могли шнырять лазутчики Косматого.

«Рататоск» габаритами не поражал – средний кораблик, но крепкий, как хорошая бочка. Бочку как испытывают на прочность? Берет ее бондарь, да и подбрасывает в воздух. Падает бочка на бревна, подскакивает – не треснет, гудит только.

Таким и кнорр был.

Эваранди, правда, сомневался слегка – не мало ли людей, чтобы справиться с викингами Эйнара? Так ведь и у Пешехода народу маловато. Посольство идет вроде как на восьми кораблях, половина из них скейды, так ведь они разные. Большие скейды могут принять на борт даже сорок человек, но такой корабль не перетацишь по волоку. Эйнар вышел на малых скейдах – каждый на десять, от силы пятнадцать человек.

Такой кораблик легок, команда и сама сможет двигать его, а ведь на днепровских порогах работников никто не держит. Извольте сами попынтеть-понадрываться...

Викинги сразу же заняли носовую палубу «Рататоска» – по привычке. На драккаре именно носовыми веслами грести считалось почетным делом – на носу они длиннее и весят побольше.

На кнорре, правда, различий особых не было, но по старой памяти сели впереди.

На кормовые весла Ульф Меченый посадил своих парней – Гюрдира, Эйрика Свиныю, Хвитсерка, Одди, Тьёдара, Фари, Атли, Снеррира Мокрого и Хавгрима.

Тем же вечером кнорр покинул Сильбрвик и двинулся к югу.

Эваранди сидел за широкой спиной Йодура и тягал весло. Работенка была нелегкая, но Костя улыбался – с каждым гребком он приближался к Эльвёр.

Глава 7. Эльвёр, дочь Освивра. Непогода

Свеарики, Уппсала. 20 мая 871 года

Посольство обогнуло Сканию¹⁷ и повернуло к северу. Скейды и кнорры проследовали Восточным морем между матерым берегом и Готландом.

Сперва Пешеход хотел как раз готландцев навестить, в Висбю зайти, да не срослось – задул упорный ветер с востока. И Эйнар скомандовал идти в Уппланд.

Купцы только рады были – торжища в Бирке и Уппсале славились на весь север.

Показались шхеры – скалистые островки, заросшие соснами. Промелькнул парус и скрылся.

Караван медленно втянулся в узкий пролив, выводивший на простор огромного озера Лёг¹⁸.

Скейд Эйнара Пешехода медленно обгонял кнорр «Тангриснир», перевозивший наложниц. Ярл степенно втолковывал что-то двум данам, присоединившимся к посольству в Роскилле.

Вероятно, даны были непростые, поскольку их провожал сам Сигурд-конунг. Надо полагать, Железнобокий вел какие-то тайные делишки с Косматым.

А даны были смешные. Один, по имени Ормульф Весельчак, был высоким и тощим. Он постоянно сутулился, отчего его длинные, костистые руки свисали чуть ли не до колен. Ормульфа прозвали Весельчаком смеха ради – это был унылый человечик, видевший во всем только плохое, он вечно ныл и жаловался. Правда, в оружии знал толк – мог метнуть сразу два копья, да с такой силой, что оба протыкали человека насквозь.

Другой – Макдан – являлся его противоположностью. Приземистый и коренастый, он был жизнелюб и обжора, говорил громко, а хохотал гулко. Сколько раз не мелькал Макдан в поле зрения Эльвёр, она ни разу не видела его серьезным – вечно ухмылка расщепляла его бороду и усы, заплетенные тугими косицами.

Бирка со стороны озера виделась вся – скопище рубленых изб и обмазанных глиной плетеных хижин. Стена с башнями окружала городишко лишь с тыла, полумесяцем, проводя бревенчатую дугу от берега и к берегу. Но это вовсе не значило, что подойти с воды к селению легко и просто. Как бы не так – из плещущих волнишек высывались многие десятки свай, вбитых в дно, – кораблю не подойти, всяким находникам не высадиться! Хочешь взять Бирку приступом? Валяй. Подходи с тыла и штурмуй, лезь на стены, коли жизнь не дорога.

Все торговые суда разгружались на рейде, а товары подвозили на лодках. Суда тут стояли разные, от кургузых фризских коггов, больше походивших на сундуки, до арабских завог и фелюг. Торг на берегу кипел и бурлил – одни продавали, другие покупали.

Гостей из Халифата ждали с особым нетерпением – добираясь до Бирки по Итилю, арабы привозили с собою серебро, которого в христианской Европе явно не хватало¹⁹. За серебряные дирхемы и золотые динары пришельцам с востока отдавали все – меха, моржовую кость, кожи, рабов, янтарь. И арабы все плыли и плыли, гонимые жаждой наживы.

Еще бы! Скупив роскошные северные меха за жалкие дирхемы, «мягкую рухлядь» везли в ту же Индию, где за одного соболя предлагали двести пятьдесят динаров!

¹⁷ Скания – ныне Сконе, южная Швеция.

¹⁸ Лёг – ныне озеро Меларен.

¹⁹ Месторождения серебряной руды в Гарце были разведаны лишь сто лет спустя.

Поэтому и терпели мореходы капризы Хазарского моря²⁰, жадных кочевников, перегородивших Итиль и взимавших десятину с каждого корабля, долгие недели пути вверх по реке, берега которой были заселены отнюдь не мирными туземцами.

Все окупалось.

А на соседнем острове стоял бревенчатый «дворец» Бьёрна Железнобокого, еще одного Рагнарссона, ставшего конунгом свеев.

Говорят, конунг приглядывал за торгом, посматривая на него с невысокой башни, рубленной из дуба.

Хозяин кнорра «Тангриснир», пузатенький и кругленький, как колобок, засуетился, тербя наложниц:

– Сходим, сходим, красавицы! Прогуляться пора.

Подошедшая к борту кнорра большая вместительная лодка-скула переправила девиц на берег.

Крики зазывал, ругань, азарт и жадность сразу же окружили их. Кое-кто из купцов приблизился было к девушкам, но охрана из дюжих викингов небрежно отстранила «ценителей»: не замай!

Впервые в жизни Эльвёр увидела настоящего жителя страны Катай – маленького, с длинной черной косой, с плоским желтым лицом и глазами-щелками. Одет он был в смешной халат и торговал странными корешками, походившими на человеческие фигурки.

– Панцуй²¹! Панцуй! – лопотал косоглазый гость.

А потом из толпы показался купец арабский. Был он невысок, но ладно скроен. В тюрбане и халате, подвязанном кушаком, с кривым мечом на поясе, араб держался уверенно – было заметно, что клинок он носит вовсе не для красоты.

Но больше всего впечатляло его лицо – смуглое, с пронзительными черными глазами, хищным носом и скобкой усов, оно дышало силой. В глазах купца горел пригасший огонь необузданности, и было ясно, что раздуть его ничего не стоит.

Увидав северных красавиц, он будто споткнулся, задержав взгляд на Гунилле. Усмешка исказила его губы, приоткрывая блеск зубов.

Эйнар Пешеход, лично сопровождавший наложниц, попробовал отодвинуть араба со своего пути, но тот воспротивился, заговорив жарко и непонятно.

Викинг нахмурился, не зная, как же ему поступить, но тут подскочил толмач и затараторил:

– Славный Абу-л-Фарах Аббас ибн Джафар Нурад-Дин просит продать ему эту рыжеволосую девицу!

– Девицы не продаются! – отрезал Эйнар, собираясь шагать дальше.

Однако Аббас был настойчив. Он молча высыпал на ладонь добрую жменью золотых динаров и протянул их Пешеходу.

Викинг заколебался, и тогда араб, закрепляя успех, выгреб из кошеля на поясе еще одну жменью, не считая.

Добрых два десятка динаров позванивали так мелодично, что Эйнар не устоял, – забрав динары, он вежливо пихнул Гуниллу. Девушка чуть не упала, но Аббас поймал ее, что-то ей втолковывая, а та лишь кивала в полной растерянности, не зная, радоваться ей или плакать.

Возможно, Аббас, вернувшись в свой Багдад или Исфахан, сделает Гуниллу любимой женой. Или наиграется и бросит. Хотя... вряд ли. Слишком дорогая игрушка вышла, чтобы бросать ее.

Эльвёр глядела вслед уводимой девушке и грустно вздыхала.

²⁰ Хазарское море – Каспийское море.

²¹ Панцуй – женшень на одном из диалектов.

Как переменчив ветер жизни! Как неустойчива погода бытия!

Было хорошо, тепло и безветренно, и вдруг налетает буря – и сразу холодно, дождливо, неуютно. Или наоборот – злая метель уляжется вдруг, выглянет солнце, жаром своим растопит наметенные снега, и теплый ветерок ласково обвеет задубевшую кожу.

«Эваранди, где же ты? Солнышко мое лучистое...»

Глава 8. Константин Плющ. «Веселие Руси питие есть»

22

Восточное море, борт корабля «Рататоск». 20 мая 871 года

Ветер сменился, задул с юга, и Хродгейр приказал сушить весла.

Вагн и Хадд, при посильной помощи Эваранди, поставили парус.

Широкое в синюю и белую полосу ветрило надулось, устремляясь вперед, и потащило за собой кнорр.

Можно было отдохнуть, и Костя присел у борта, на бухту жесткого каната из моржовой кожи.

Небо было ясное, едва тронутое полупрозрачными сквозистыми облачками. Спокойное море отливало бутылочной зеленью, перекачивая пологие волны.

Вода разлилась на все четыре стороны, и чудилось, безбрежный океан раскинулся вокруг, но это была обманка.

Восточное море маленькое, отовсюду перекрытое сушей. На западе – Свеарики, на востоке – Эстланд.

День пути – и откроется берег.

Костя пригляделся – далеко позади, на юго-западе, белел парус, ма-аленький белый квадратик в рисочку.

С самого утра маячит. Не приближается, но и не отстает.

Не Харальда ль конунга людишки преследуют кнорр?

Да вроде как не должны – все делалось в тайне.

«Рататоск», конечно, и с берега заметить могли, но у кого мог вызвать подозрения небольшой купеческий корабль?

После полудня парус пропал, и Эваранди успокоился.

Оглядев кнорр, он ухмыльнулся, прикрыв рот ладонью. Носовая палуба больше всего походила на лежбище тюленей – викинги лениво развалились кто где и вели неспешный разговор.

– У франков винишко хорошее, – разморенно проговорил Йодур-хевдинг. – Кислятина, правда, но они там чего придумали – нагревают белое вино, оно у них стекает по таким круглым штукам, вроде дисков. Вода, короче, уходит, а крепость прибавляется. Ну это как в «зимнем пиве», только там воду замораживают, а тут испаряют. И забористое же питье выходит! Пробирает до самых печенок! Мы как-то прихватили пару бочонков, когда монастырь тамошний на копье брали, так на всю лодью хватило! Упились влёжку!

– Пробовал-пробовал, – покивал Бьёрн Коротыш. – Ничего так, пить можно. А мы, когда в Энгланд ходили, тоже в один монастырь заглянули. У них там такой короб был, из меди склепанный. Монахи под ним огонь разводили и цедили чего-то по капле в сосуд. «Это у вас чего?» – спрашиваем. А те трясутся да крестятся. «Ишке бяха!»²³ – бормочут. Ну и тролль с вами, думаем. Бяха так бяха. Попробовали мы ту бяху... О-о! Как жидкий огонь в глотку пролился! И сугрев такой приятный, и сразу хмель в голову. А опосля второй ноги уже не идут...

²² В этом высказывании Владимира Святославовича слово «русь» употреблено как название народа, а не страны – ее тогда не существовало.

²³ *Uisge beatha* (гэльск.) – калька с лат. *aqua vitae*, «живая вода». От этого средневекового термина произошло современное «виски».

– Ирландцы, они тоже такое варят, – проговорил Хродгейр. – Пиво из ячменя получается, а эта их «ишке» – из ржи. И неплохо получается... А вот... Йодур, помнишь, как мы с русами в Севилью хаживали?

– А то! – хмыкнул Беловолосый. – Хорошие были времена... Молодые были, наглые. И куда только в нас влезало... Арабы-то сами не пьют, им вера не позволяет, а вот те, кто там Христу молится, это дело дюже уважают – виноград растят по всей земле Андалус²⁴ и делают из него херес. Чуть крепче «зимнего пива», но вкусненько.

– Народ, он питье любит, – сделал вывод Свейн Копыто. – Как еще кровь по жилкам разгонишь? Особливо зимой? Вот и пьем.

– Ха! Да если бы не пьянели с того пойла, кто бы его глотал? Согреться – это, само собой, здорово, да только для сугреву и одной чарки хватит за глаза, а мы все хлещем и хлещем! Без счета, только и орем: «Наливай!»

Викинги расхохотались.

– Эт-то верно! – воскликнул Берси Южанин. – Нам только давай!

Глянув вперед, он обнаружил прямо по курсу два корабля, что гребли навстречу. Им бы на запад держать, тогда и паруса поднять можно, так нет же, упорно макали весла в воду.

Судя по силуэту, приближались два таких же «торговца», как и «Рататоск».

– Ишь ты... – процедил Йодур. – Никак на нас нацелились.

– Похоже, – кивнул Кривой, выглянув из-за борта. – Помнится, они на заход солнца держали, под парусом шли.

– А тут нас приметили! Вдвоем-то на одного, чего ж не попытаться.

– Уроды, – вставил слово Константин.

– Они и есть, – буркнул Беловолосый. – Ну что? Раз не хотят по-хорошему, будем по-плохому. Брони вздеть! Вагн, мухой за оружием!

– Щас я!

Вагн расторопно нырнул в люк носовой полупалубы и вскорости подал наверх тяжелый кожаный мешок. В мешке звякало железо.

– Ульф! – крикнул Хродгейр кормщику. – А ты чего ждешь? Давай готовь своих. Хватит нам скучать, веселуха созрела!

Кривой с сожалением поглядел на мачту – у боевых кораблей она снималась, дабы не мешать сражению, но на кнорре торчала крепко.

– Ладно, тролль с ней... – проворчал херсир.

Все деловито готовились к бою.

«Двенадцать с половиной викингов!» – подумал Эваранди.

Себя он скромно посчитал одной второй истинного бойца. Среди этих матерых челове-чищ он может сравниться разве что с близняшками. Да и то...

Что у него за спиной? Исторические реконструкции?

А Вагн с Хаддом в реальных заварушках опыта набирались.

Есть же разница?

Плющ живо напялил на себя стеганку. В такой быстро взопреешь на солнце – это ж та же фуфайка, зато подроспешник смягчит удар. Да и какой дурак станет носить кольчугу на голое тело? Именно что дурак. А мы не из таковских...

Кольчуга у него, конечно, была не самая завидная – обычная бирни²⁵, но хорошей работы, как бы не арабской.

²⁴ Иберийский полуостров в то время находился под властью Кордовского эмирата, а называлась будущая Испания *Аль-Андалус*.

²⁵ *Бирни* – кольчужная рубашка с короткими рукавами, укрывавшая тело до пояса.

Быстренько нацепив наручи, натянув на голову вязаную шапочку-нурманнку, Эваранди приладил шлем. Вот шлем у него хорош – с выкружками для глаз, с бармицей-натыльником, прикрывавшим шею, – и сталь отличная, хрен прорубишь такую.

Щита своего у Кости не было, и он подхватил один из запасных, что были сложены стопкой в носу, как огромные блины. Сколоченный из досок, оббитый кожей, вываренной в воске, щит оттягивал левую руку, но без него никуда. Даже если научен воберучь биться на мечях, как защитишься от удара секирой, скажем? Клинком ее хрен отведешь, а щитом – пожалуйста. Конечно, хороший удар боевым топором он вряд ли выдержит, но уж лучше пусть щит треснет, чем твой череп!

– Ты гляди! – ухмыльнулся Хродгейр, оборотаясь единственным глазом к корме. – Бойцы! Громили!

Гребцы Ульфа Меченого были упакованы на славу – на всех стальные шлемы, а не кожаные, как обычно водится у ополчения. Четверо в бирни, а Снеррир Мокрый и Эйрик Свинья щеголяли в полных хауберках²⁶.

«Кучеряво живете, однако!» У половины викингов страны Норэгр кольчуги передавались в наследство, от отца к сыну, ибо стоили немало. Как и мечи, впрочем.

Клинками тоже дорожили, и в любом хирде лишь двое-трое из десяти были вооружены ими, а остальные пользовались секирами или копьями. Однако в команде Ульфа Меченого все были при мечях. Крутой, однако, купец. Ухарь.

– Обходят, – спокойно сказал Беловолосый, наблюдая за встречными судами – большими одномачтовыми скулами. Такие лоханки для всего годились – могли по морю ходить, товары возить, могли по реке вверх подняться, а то обвешаться щитами, как взаправдашний драккар, и в поход двинуть.

Не у всякого ярла хватит средств на «длинный корабль» – за драккар надо выложить целое состояние, а вот скулу потянет любой вождь.

– Эсты вроде, – пригляделся Свейн.

– Хотят с обеих сторон зайти, – прокомментировал Коротыш.

– Бьёрн, – сказал Хродгейр негромко, – ступай на корму, поможешь, если что.

Коротыш кивнул, не заводя никчемных споров, и прошел к команде Ульфа, балансируя по кромке борта.

– Йодур, ты держишь правую сторону, я – левую. Со мной Копыто, Орм, Рауд, Берси и Вагн.

– Понял, – кивнул Беловолосый. – Эваранди, вы с Хаддом работаете в паре. Знаю, Хадд, что тебе удобнее с братом, но пора отвыкать. Учись срабатываться с любым – в походе мы все побратимы.

Хадд серьезно кивнул и тут же ухмыльнулся:

– А мы с Эваранди уже работали!

Костя улыбнулся, хоть и несколько нервно – близился бой. Настоящий морской бой. И было страшно.

Бесстрашный человек – это не тот, кто вовсе не испытывает страха, поскольку не боится умереть лишь дурак, а тот, у кого сила духа перебарывает темные позывы забиться поглубже в норку и не показываться.

Храбрец пересиливает дрожь и слабость, поступая наперекор боязливой плоти. Вот и Костя... того... пересиливал.

Но, если честно, смельчаком себя не считал. Да викинги и не задумывались особо над этими вещами – война была для них работой, тяжелой, грязной, но и доходной. Да и славу можно было добыть в бою. И не только.

²⁶ Хауберк – кольчуга до колен, с длинными рукавами.

Дружина – это сила, а сила – это власть. Хевдинг мог стать ярлом, а ярл – конунгом. И тогда бойцам его дружины тоже кое-что перепало.

– Вперед не лезть, – цедил Хродгейр. – Пускай считают нас глупыми торгашами...

Плющ оглянулся и потянул меч из ножен.

В этом времени еще не докатились до пушек, а о древних баллистах, что стояли на палубах громадных римских декирем, давно забыли. Это потом, гораздо позже, будут сначала из орудий палить, расколачивая корабль противника ядрами, и лишь после такой «артподготовки» бросаться на abordаж.

А тут сразу – мечи к бою! – и вперед...

– Мечи к бою! – рявкнул Хродгейр.

Глава 9. Константин Плющ. Морской бой

Восточное море, борт корабля «Рататоск». 20 мая 871 года

Обе скулы зажали кнорр с бортов, полетели крючья, и эсты живо натянули лохматые веревки, стягивая кнорр и скулы в шатучий тримаран. Викинги спокойно ждали: пушай сперва доделают, потом и резать можно.

А вот команды обеих скул терпением не отличались – ревя и улюлюкая, они бросились на защитников «Рататоска».

Однако первый удар нанес Кривой, подрубая одному из молодчиков давно не мытую шею. Его сосед, сжимая обеими лапами секиру, шарахнулся с испугу, оступился и ляпнулся в воду. А корабли как раз сходились... «Секироносец» даже вякнуть не успел – его ребра хрустнули, а черепок лопнул, как горшок с простоквашей. Готов.

– Бе-ей! – орал, надсаживаясь, кормщик на скуле слева.

– Режь! – вторил ему рулевой на правой. – Руби!

Йодур был холоден и молчалив, но и дьявольски быстр. Он не орал, брызгая слюной, не потрясал мечом, а рубил им.

Эваранди и моргнуть не успел, как двое врагов уже пали к ногам Беловолосого. Некто худой, но жилистый, в одних штанах и босой перепрыгнул на нос кнорра.

Взмах его меча Костя отбил щитом и тут же сделал выпад. Ему помогло одно обстоятельство – в эту пору клинком рубили, а не кололи. Лезвие вошло жилистому под мышку, после чего Эваранди хорошенько приложил противника щитом.

Тот свалился за борт, цепляясь здоровой рукой за планшир, но не удержался, сорвался. Вынырнул, хапая воздух ртом.

Ничего, это ненадолго – с одной рукой далеко не уплывет. Да и доспех – приличное «грузило».

Краем глаза углядев стремительное движение, Плющ резко развернулся, и очень вовремя – прилетевшее копьё он сбил щитом, уловив взглядом сразу двоих побратимов.

Гринольв Худоба полоснул острием меча, развалил очередному пирату брюхо и ударом ноги отправил его к рыбам. Торбранд Рыбарь сосредоточенно отбивался от наседавших на него двоих рубак.

Эваранди тут же шагнул на помощь.

Один из пиратов угрожал Рыбарю скрамасаксом в правой и кривым кинжалом в левой руке. С этой-то руки Плющ и зашел – кинжал лишь царапнул по щиту, зато Костин меч рубанул так, что и кожаный доспех рассек, и бок рассадил, из одной печенки делая две.

Торбранд, мимоходом улыбнувшись, развернулся лицом к очередному желающему сдать кровь, а Эваранди взглянул в сторону кормы.

Ульфа Меченого, наверное, ранило – что-то скривился кормщик. Парнишки его, хоть и пустили врага на палубу, но долго супостата не задерживали – били, резали, рубили, валили на доски или сразу перекидывали за борт, это уж как получится.

Бьёрн Коротыш орудовал мечом так ловко и быстро, что клинок почти и не виден был, мелькая как пропеллер. Только брызги красные летели в стороны.

Наши и «не наши» кричали одно и то же, но вражескую речь Константин не понимал: то были эсты, а может, и пруссы или еще какое племя. Однако перевода не требовалось, и так было понятно, что напавшие желали убивать и грабить.

Вот только недооценили то ли эсты, то ли пруссы противника – среди викингов даже «трехсотых» не заметно, а вот на скулах все рос и рос «груз 200».

Хродгейр Кривой и вовсе из оборонца переквалифицировался в агрессора – перескочив на палубу скулы, бил вражью силу, работая как безжалостная машина смерти. Его руки, облеченные в металл, мелькали будто шатуны, а меч без устали кромсал податливую плоть.

Вот его противник, ражий детина в мешковатом балахоне, подвязанном на поясе, моргнул, да так и не раскрыл глаз – лезвие чиркнуло по горлу, отворяя сонную артерию.

– Получи, зараза!

Обратным движением меча Хродгейр почти отсек правую руку следующему в очереди на умерщвление – полноватому мужичку с копной пегих волос. Тот выронил свой сакс, и калеку добил Вагн.

– Готов!

А Кривой, забавно вывернув голову, чтобы все видеть единственным глазом, развернулся к владельцу корабля – статус можно было опознать по богатым одеждам и роскошным сафьяновым сапогам.

– Пощади!

Купец бросил на палубу, к ногам Хродгейра, свой меч с серебряной инкрустацией – сдаюсь, мол, – но Кривой не разделял идеи гуманизма. Меч подрубил шею судовладельцу, почти отделив голову от тулова.

Йодуру пример херсира пришелся по нраву. Оскалившись так, что Костя мигом вспомнил плакат «Не влезай – убьет!», Беловолосый заработал мечом еще пуще и, прибив парочку нападавших, сам взял на abordаж скулу, что качалась справа по борту. Перепрыгнув на палубу, он завертелся волчком, выкашивая вокруг себя все живое.

Оглядевшись, Эваранди шагнул на кромку борта и перескочил на скулу. Йодуру попался очень юркий и прыткий супротивник. Шарахнувшись от широкого маха, он скакнул на шаг влево и слишком поздно заметил, что туда же спрыгнул Плющ. «Скакуну» не хватило доли секунды, чтобы изготавиться к защите – Костя с ходу пырнул его мечом, провернул клинок, выдернул и добавил рубящий удар для верности.

Повернулся – а уже все. Враги кончились. Всех порубали.

Беловолосый опустил меч, ухмыльнулся, а потом захохотал в голос.

– Ух, здорово! – завопил Хадд.

– Эй! – крикнул Хродгейр. – Убили кого?

– Да вроде живы все, – проворчал Берси, осматриваясь.

– Меня только подранили, – сморщился Ульф. – Бочину задела...

– Эйрик! Помоги перевязать.

– Промой, промой рану сначала!

– Ох, щиплет-то как...

– Прижечь бы.

– Да чистая вроде...

Константин, чувствуя слабость в ногах, вытер меч о рубаху убитого. Йодур уже очистил клинок и сунул его в ножны.

Внимательно оглядев место боя, он пнул одного из пиратов. Тот застонал, жалобно моля о помощи.

– У нас лекарей нет! – отрезал Беловолосый. И, достав нож из чехла у пирата за поясом, полоснул раненого по горлу. – Всем конец.

– Собираем оружие и ценности! – возвысил голос Хродгейр. – Бьёрн, что у них за товар?

– Пенька... Воска круги... Да и все.

– Воск заберём, а остальное сжечь.

Началось самое интересное для любого воина или пирата – шмон. Викинги и парни Ульфа, доказавшие, что бойцы они неплохие, наперегонки обыскивали убитых – срезали

кошели, снимали шейные гривны и цепи, потрошили сундучки гребцов, куда были заныканы сбережения – монеты золотые и серебряные, а то и просто прутики из драгметалла.

Плющ не стал брезговать и снял с убитого им эста или прусса толстую золотую цепь. Крепко сжимая в пальцах добычу, сполоснул «ювелирку» в море.

– И точно... – проговорил Вагн, наклоняясь и полоща в воде массивный золотой крест, невесть где и когда снятый с попа или монаха.

Обчистив обе скулы, викинги взялись за кресало и добыли огонь. Вскоре из трюмов скул потянулся белый дым, затрещало пламя, и вот огонь уже вылез на палубу. Медленно расходясь по судам, он охватывал скамьи и одежду мертвецов, потом полез на мачты.

«Рататоск» поднял парус и стал удаляться от места «рандеву», а огонь все набирал и набирал силу. Уже не треск, а торжествующий рев разносился над морем, и скулы превращались в погребальные лоды.

Когда они отделились до самого горизонта, пламя попригасло, и лишь один дым шуровал к облакам. Наконец сгоревшие дотла корабли канули на дно, увлекаемые балластом. Только облако дыма расплывалось, пачкая небо.

– Хлипкие пираты пошли, – молвил лениво Беловолосый.

– Ну хоть размялись, – проворчал Хродгейр.

– Это да! А помнишь, как за нами гураб гонялся? Тогда еще, в Сёркланде²⁷?

– А как же. Вот уж сцепились, так сцепились. Арабы визжат, железяками своими машут... А гураб, он же здоровенный, просто так не перепрыгнешь – если от воды считать, то борт выше моего роста получается.

– Мы тогда «кошки» закидывали, – подхватил Йодур, жмурясь, – и лезли по веревкам на палубу. Одни лезут, другие дротики мечут, чтобы арабы нам по головам не настучали. А на палубе уже попроще – руби себе да руби.

– Да-а... К ромеям просто так не подойдешь – ихние дромунды «греческий огонь» мечут. Спят на хрен, ежели не увернешься.

– А мы их все равно били! – рассмеялся Кривой.

– А слышал ли ты, херсир, о пиратах из Фризии? – сощурился Ульф.

– Из Фризии? – удивился Хродгейр. – Да какие из фризов пираты? Так, шелупонь одна... И на чем им ходить?

– На коггах! – ухмыльнулся Меченый, тут же кривясь – рана давала о себе знать.

– На коггах?! На этих бочках с парусом? Да ведь тюлень дохлый плывет быстрее когга!

– А вот! Ходят на этих самых коггах, да еще зовут себя «тиграми моря»!

– Вот нарочно схожу в те места, – пообещал Беловолосый, – погляжу на этих головорезов задрипанных, подправлю им челку!

– Да кого ж они грабят на своих коггах? Черепах?

– Ну ты скажешь тоже. Как же они черепаху-то догонят? В порт заходят. Ежели какое судно на якоре стоит, они его обгонят даже!

Отсмеявшись, викинги продолжили вечер воспоминаний, а Эваранди задумчиво смотрел на юго-запад.

Там, почти теряясь между морем и небом, белел давешний парус.

²⁷ Сёркланд – земли Халифата, Северная Африка и Ближний Восток.

Глава 10. Эльвёр, дочь Освивра. Страна крепостей

Гардарики. 24 мая 871 года

Эльвёр испытывала некую внутреннюю опустошенность. Исподволь вырос в душе этакий пузырь пустоты, заместил чувства, и девушка ощутила безразличие ко всему зримому миру.

Она больше не грустила, не кляла Харальда Косматого, с равнодушием встречая утро и провожая солнце вечером.

Возможно, она просто устала от переживаний? Выдохлась от каждодневного самоедства? Или смирилась-таки с уготованной ей судьбой?

Эльвёр усмехнулась. Ну уж нет!

Она нашарила то место на поясе, куда спрятала ножики, и сжала их. Живой она не достанется никому! Нет-нет, кончать с собой она не станет. Самовольный уход в мир теней – это удел трусов и слабаков.

Но вот если тот вельможа из Миклагарда возжелает порезвиться с нею на пуховых перинах, то потеряет много крови.

Истинного воина ее ножиком не взять, даже голого, а вот царедворца – запросто.

Эльвёр вздохнула. Сплошной туман впереди, ничего не ясно. И стоило ли готовить себя к сопротивлению там, в далеком Миклагарде? Вполне может статься, что все посольство Харальда-конунга сгинет по дороге, исчезнет без следа.

Дальний путь страшил – и манил. Какие чудовища встретятся им по дороге? Какие дикари поджидают в засадах?

Воины Эйнара долго и со вкусом рассуждали о встречах с лесными людьми, что живут в Гардах и выходят на берега рек и речушек, озер и проток пути «Из варяг в греки». Эти лесовики невидимы, а их стрелы метки.

Южнее, на великой реке Непре, живут робкие славяны, этих бояться нечего, но земли их – узенькая полоска между лесом и степью. А вот в степи...

Там кочуют печенеги, племя кровожадное и воинственное. Печенеги пасут свой скот или угоняют его у хазар, с которыми соседствуют. Кочевники никого не боятся, они вольны как ветер и презируют оседлые народы за их тягу к земле, ибо пажити, даже обширные, всего лишь клочок необозримого пространства.

У печенегов нет людей, но есть лошади – все кочевники отличные наездники, и это придает их набегам стремительность. Они налетают, как буря, убивают, грабят и рассеиваются по бесконечной степи.

Непр – река широкая, с берега до скейда не достанешь даже из лука. Но на середине пути находятся пороги, где свободно не проплывешь, а самая опасная гряда – Айфор. Там острые камни и стремнина, которую не одолеешь по воде, даже бичевой не проведешь суда, шагая по берегу и придерживая скейды за канаты. Приходится выволакивать суда на сушу и волочить целых шесть верст. И это самый опасный момент – почти все будут заняты тем, чтобы тянуть, толкать и удерживать скейды, перетаскивать груз, и лишь малое число людей удастся выделить в охрану.

И если в этот самый момент нападут печенеги...

Плохо будет. Сорок воинов – это сила, но они не устоят перед ордой. Кочевники сомнут викингов, одолеют числом...

...Скейд Пешехода с громким названием «Морской ястреб» приблизился, и Эйнар прокричал:

– По Вуоксе не пойдем, финны перекрыли реку, повалив сосны! Гаденыши... Двинем по Нюйе!²⁸

– Понял! – ответил Торир-кормщик, поводя рулевым веслом.

Оставляя пустынные берега Эйтланда по правому борту, караван проследовал к полноводной Нюйе.

Ее устье было разбито руслами и протоками на целую кучу островов, скалистых или болотистых. Текла река плавно, но мощно, и одних парусов стало не хватать – гребцы взялись за весла.

Дремучие сосновые леса подступали к самому берегу, и разглядеть, что или кто прячется за могучими стволами, было невозможно.

– Особо не высовывайтесь, – ворчливо сказал кормщик, обращаясь к гребцам, – здешние ингры²⁹ – народ злобный. Они сначала стреляют, а потом смотрят, стоило ли...

– Ой, медведь! – воскликнула одна из девушек.

– Где?

– Да вон! Стоит!

Косолапый стоял неподвижно, свесив передние лапы, и выглядел забавно. Насмотревшись на скейды с кноррами, он лениво повернулся и стал драть когти об дерево – кора так и летела ошметками.

Посольство медленно проследовало до самых порогов. Здесь большая часть народу сошла на берег, взявшись тащить корабли за канаты. Пока одни впрягались, другие сторожили.

Медленно, со скоростью неторопливо шагавших путников, караван двигался вдоль правого берега, держась в стороне от мели.

Река здесь разливалась вольно, на целый перестрел³⁰.

А сразу за порогами открылась небольшая крепостца, окруженная мощным частоколом, – это был форпост Гардарики. Тутешние бойцы, почти сплошь ингры, служили Рюрику-конунгу, оберегая пограничье.

Эйнар Пешеход являл собой потрясающе миролюбивого мужа. Когда ворота крепости открылись и навстречу викингам вышла пограничная стража, он лично поприветствовал их предводителя, самого кунингаса, как переименовали звание конунга в Ингерманланде.

Переговоры были коротки. Кунингас, обряженный в дорожную кольчугу, в шлеме, украшенном золотой насечкой, важно прошел мимо причаливших скейдов. Оглядел их, покивал – и дал «добро».

И двинулся караван дальше, выгребая в озеро Нево³¹.

Волна здесь была крутая, зато и простору хватало. Подняв паруса, корабли взяли курс на юго-восток, где крылось устье Олгоги.

Гребец, что ворочал веслом неподалеку от Эльвёра, покосился на девушку.

– Радуешься небось? – спросил он, шамкая.

– Чему? – буркнула дочь Освивра.

– Ну как же! Дальние страны увидишь, во дворце жить будешь... Самому ампиратору достанешься!

– Я не добыча, чтобы кому-то доставаться, – холодно сказала Эльвёр. Вспомнив одну из присказок Эваранди, она добавила: – А «ампиратора» этого я в гробу видала!

– Когда? – удивился весельщик.

²⁸ В IX–X веках река Вуокса была полноводней, и суда из Финского залива (называемого тогда Хольмским) попадали по ней в озеро *Нево* (ныне Ладожское). *Нюйя* – означает «Новая». Так называли Неву. Финнами скандинавы именовали все северные народности. В данном случае – карел.

²⁹ *Ингры* – ижора.

³⁰ В данном случае – мера длины, 200–220 метров – на столько бил хороший лук.

³¹ В те времена Ладожское озеро считалось морским заливом, соединенным с Балтикой по Неве.

– Не когда, а где. Это поговорка такая.

– А-а...

Девушка посмотрела на гребца. Тот уже пожилой был, лет за сорок человеку, и, видать, битый жизнью.

– А ты уже ходил в Миклагард?

Гребец усмехнулся довольно кривовато.

– Я там родился, девонька.

– Так ты ромей?

– Да бог его знает кто я... Отец мой, наверное, рыбаком был, выходил в Понт на ловлю...

Понт Эвксинский – это то самое море, которое вы зовете Русским. Я только и помню, что лодку, рыбу, бородатого мужика, что сеть забрасывает... Арабы меня словили, а варяги, которые в охране базилевса служат, освободили... лет через пять после поимки. Я уже и язык родной забывать стал, и вот вернулся. А куда? Отец утонул вместе с лодкой, хижину нашу давно соседи разграбили, она потом сгорела. И что мне, подавание просить? Так нищим просто так в Миклагарде не станешь, надо сначала заплатить тем людям, что верховодят над попрошайками, да и потом отдавать часть того, что выклянчишь. Не по мне это. Вот и напросился с варягами сюда, на север. Воины как раз возвращались до дому, плату щедрую получили от базилевса, товару всякого накупили. Вот и взяли меня. Так и вырос я в Альдейге, а потом как-то раз помог Ториру Лысому – толмачом поработал, – он и зазвал меня к себе. Платит хорошо, не обижает, чего еще надо?

Эльвёр усмехнулась:

– Чую, что этого мало тебе. Нужно что-то еще...

– Верно чувствуешь, – кивнул гребец. – Но тут сложно... Хочу, понимаешь, дожить свои дни в покое – и на родной земле. Еще бы знать, где она для меня... Константинополь, который вы зовете Миклагардом? Или Крит, куда меня арабы увезли? Альдейгьюборг, где вырос я и мой сын? Или Хедебю, где обретаюсь нынче, у Лысого на посылках? Знать бы...

– Ты – истинный ромей, – улыбнулась Эльвёр, – поскольку хитер. Все ты прекрасно знаешь. Ты хочешь вернуться на ту землю, где родился и сделал первые шаги.

Гребец ухмыльнулся:

– Может, и так, девонька!

– Как звать тебя?

– Николаем наречен. Это все, что я помню. Даже сказать, чей сын, не могу – имя отца ушло из моей памяти...

Девушка вздохнула:

– Я помню, как звали моего отца, но что в том толку, ведь его самого нет в живых.

Николай помотал головой:

– Ты неправа, девонька. Пока ты помнишь своего отца, он как бы жив, как бы рядом с тобой. И, быть может, даже помогает тебе незримо.

– Может, и так, – не стала спорить Эльвёр.

– Э-ге-гей! – разнесся трубный глас Эйнара. – Весла на воду! Прибавим ходу!

– Ходу так ходу... – прокрихтел Николай, берясь за весло.

Глава 11. Эльвёр, дочь Освивра. Рюрик

Гардарики, Алдейгьюборг. 25 мая 871 года

День клонился к вечеру, когда караван вошел в устье мутной Олкоги и начал медленно выгребать против течения.

По первости на берегах поднимался лес, но затем он отошел, освобождая место для множества курганов, – под ними издавна хоронили местных конунгов, ярлов и просто храбрых воинов.

А вот река будто оживала, все больше судов появлялось на ней – широкие и емкие, как скулы, они везли дрова и золу, какие-то бочки, рыбу.

Мимо, направляясь к Нево, проследовал арабский зав с высоко поднятой кормой, где стоял нахуза, начальствующий над кораблем.

Эльвёр так долго ждала появления Альдейгьюборга, что прозевала сам момент. Город неторопливо распахивался перед нею.

Так же, как и Бирка, Альдейга открывалась к реке, окруженная крепостной стеной со стороны леса. Сваи, торчавшие из воды, красноречиво указывали на запрет – здесь причаливать нельзя.

А где можно? А можно напротив шумного Торга, что прикрыт сильной крепостью, рубленной из дуба. Ее черные стены из бревен в обхват внушали почтение.

У причалов не было свободного места, многие корабли стояли на реке, а их швартовы натягивались, повязанные на те самые сваи, что не подпускали суда к берегу.

Эйнар Пешеход поступил так же – мореходы с четырех скейдов накрутили канаты на мокрые столбы, вбитые в дно, а остальные караванщики швартовались уже к этим судам.

Единственный скейд – «Морской ястреб» – проследовал к пристани. По дороге Эйнар потребовал, чтобы Эльвёр сопровождала его.

– К Рюрику-конунгу заявимся, – прогудел Пешеход, – поднесешь ему дары. И не зыркай на меня так! У Рюрика жена есть, и она ему дорога. Пошли.

Эйнар и сам принарядился – рубаха шелкова, штаны атласны, сапоги из сафьяну да с тиснением. Первый парень на деревне, как Эваранди говаривал.

Сойдя на берег, Пешеход поручил тащить ларец да шкатулку подручным, а сам шагал впереди.

Торг не слишком поразил Эльвёр – те же продавцы и покупатели, как везде, а вот сама Альдейга...

Дома здесь стояли громадные, подчас в два этажа, на мощных срубах, да и ворота такие, что и в крепости иметь не соромно. Но главное, что поражало, – улицы были замощены деревянными плахами. Ни луж, ни пыли.

В Сокнхейде не во всяком доме полы деревянные имелись, а здесь – целые улицы.

Жители не обращали внимания на Эйнара со свитой – и не таковских видали. Холопы, как и повсюду на севере, были стрижены и бегали, очень озабоченные. Мужики ходили степенно, рассуждая о ценах на мед или о какой иной надобности. Жены их тоже важничали, меряясь бусами да монистами, – у кого больше побрякивало на груди стеклянных «глазков» или продырявленных монет, у той и муж, и дом богаче.

А вот девки были куда шустрее, походя на своих сверстниц в Норэгр, только волосы они не распускали по плечам, а заплетали в косы – эта мужская привычка смешила Эльвёр.

Когда процессия выбралась за город, девушка удивилась: в лес они, что ли, собрались? А оказалось, что князьям, как тут частенько именовали званых конунгов, не полагалось жить в самом городе.

Рюрик Альдейгьюборгский со всею своей дружиной обитал в загородной крепости Бравлинсхов. Туда-то и держал путь Пешеход.

Дорога была короткой, а ворота Бравлинсхова распахнуты настежь. Дозорный поприветствовал Эйнара, узнал, «за каким лешим им зандобился конунг», и проводил делегацию в терем.

Рюрик сам вышел встречать гостей. Было ему далеко за сорок, но по наружности этого не скажешь, разве что седые пряди выдавали возраст.

Второй десяток лет правил Рюрик страной. Призвали его как раз в тот год, когда Эйрик, конунг свеев, напал на Альдейгу и всю спалил начисто. Варяги тогда дали сдачи свеям, мало кто из находников воротился до родных берегов.

Эльвёр и раньше спрашивала, отчего жители Гардов призывают конунгов со стороны. Оказалось, что это у них закон такой – дабы своим неповадно было. А то местные живо всех в оборот возьмут, как тот Харальд Косматый, а вот конунг призванный ничего-то и не может. Тому же Рюрику не позволено ни землю покупать, ни какое хозяйство в Альдейге иметь. Он должен Гарды от ворога защищать, за что ему платят щедро да почет оказывают.

И будь этим доволен.

До Рюрика в Альдейге правил Хакан, отец Ефанды и сын Бравлина. Хакана прозывали Гостомыслом, то бишь привечающим гостей. Тот и впрямь гостей любил, но вот незваных гонял.

Бравлин-конунг и вовсе страх наводил по всему морю Русскому, грабил города ромейские, не боясь ни Бога христианского, ни черта.

И отец Бравлина, Рёгнвальд Русский, которого местные живо перекрестили в Рогволта, такой же был, а сына своего назвал в честь победы в битве при Бровалле, где он поддержал конунга свеев Сигурда Метателя Колец, сражавшегося против данов во главе с Харальдом Боезубом.

А прадед Рогволта, зовомый Радбардом Гардским, побил самого Ивара Широкие Объятия, напавшего на западные пределы Гардов. Там Ивара и закопали...

Рюрик не отличался безбашенностью Бравлина, он больше походил на своего тестя – был осторожен, обдумывал каждый шаг, но уж, когда все становилось ясно, действовал решительно.

Сам Рюрик был из вендов, что облюбовали южный берег Восточного моря, которое в Гардах именовали Варяжским. И тут была прямая связь – именно из Вендланда пошли первые варяги, «люди моря». Варяги – это то же самое, что викинги. Воины и морские разбойники.

Викингом мог стать норег, или дан, или свей, а в братство варягов шли венды и русы. Говорят, они даже хазар принимают, но это редкость – не много найдется кочевников, готовых сменить седло на скамью гребца.

За десять минувших лет Рюрик прочно встал на всем пути от Нюйи до Непра, а когда он привел дружину в крепость Сюрнес, где сходились пути с запада – по Двине и с востока – по Оке, то стал владыкой всей Гардарики.

Азартные ярлы и князья, кунингасы и рейксы подзуживают Рюрика, зовут в поход на Кенугард, который местные жители кличут Киевом, а ромеи – Самбатасом.

Вот только Рюрик не торопится. Да, власть над Киевом расширила бы его владения, но что брать в том вшивом Кенугарде? Сало? Или жито?

Спору нет, хлебец с салцом – штука вкусная, но это не та цель, к которой должен стремиться истинный конунг. Разве можно сравнить Кенугард с Альдейгьюборгом?

Каждый год в Альдейгу прибывают арабские купцы и оставляют на берегу Олкоги груды серебра. А за дирхемы можно купить все.

Много ли купишь за жито с салом? То-то и оно.

Нет, когда-то Кенугард, вернее, Самбат был местом весьма оживленным, ведь его основали сарматы, чтобы менять товар из степи на то, что дает лес.

Сарматов давно нет, а город остался. Правда, его завоевал один из самых видных варягов, Аскольд-сэконунг. Будучи при кораблях, да с дружиной, но без земли, Аскольд заявился в Киев и объявил себя новым правителем.

Что случилось со старым, история умалчивает. Наверное, помер.

Ныне Киевом правит Дир, но Рюрик не спешит слать туда варягов. Хотя один ход им был-таки сделан – южнее Кенугарда варяги выстроили крепость Витахольм³². Именно там останавливаются русские скедии, когда спускаются по Непру. А вот дальше к югу лежат земли опасные, и все они под властью печенегов.

– О чем задумалась, красна девица? – спросил Рюрик.

Эльвёр растерялась и сразу проговорила заученную фразу:

– Прими в дар от Харальда-конунга, владыки норегов.

И протянула правителю Гардов изящную шкатулку. Что в ней находилось, девушка не знала, но полагала, что нечто ценное, – ящичек был увесист.

– Благодарю, – улыбнулся Рюрик, принимая подарок, и сделал приглашающий жест: – Проходите, гости дорогие, отведайте моего угощения.

Конунг провел Эйнара и Эльвёр в большую светлую палату, большие окна которой на зиму закладывались резными досками. Правда, близилось лето, и солнце заливало большой зал, освещая ковер на полу, лавки вдоль стен и большое кресло у дальней стены, отделанное слоновой костью и лазуритом. Это был трон.

³² Позже его называли *Витичев Холм*, ныне просто *Витичев*.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.